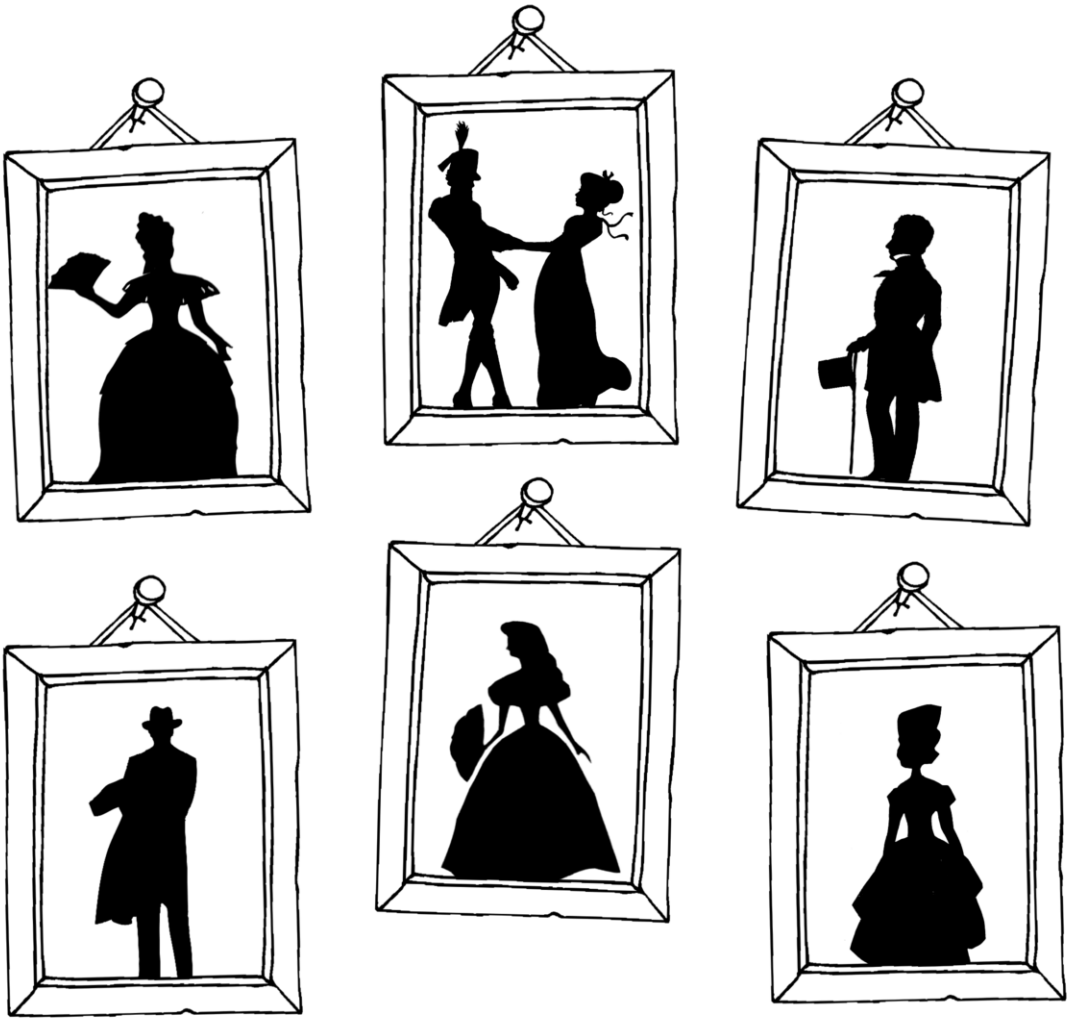
приложение к школьному журналу для семейного чтения

Библиотека «Лексикона»

ВЫПУСК ВТОРОЙ

издание сообщества учеников, учителей и родителей православной школы «Рождество»



НИНА ГОНЧАРОВА

Имя предков моих…

Фрагменты семейной хроники

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ФЕСТИВАЛЬ ШКОЛЬНЫХ СМИ 2014

ПОБЕДИТЕЛЬ В НОМИНАЦИИ
«ПРИЗ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ ПОДМОСКОВЬЯ»

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
«ЗА НРАВСТВЕННЫЙ ПОДВИГ УЧИТЕЛЯ»
2015

ПОБЕДИТЕЛЬ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТАПА В НОМИНАЦИИ
«ЛУЧШИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ГОДА»

СТЕНГАЗЕТА
ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ШКОЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ
«ШКОЛИЗДАТ: ПРЕСС-ЛАЙН»
2016

ПОБЕДИТЕЛЬ В НОМИНАЦИИ
«ШКОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ»

Библиотека «Лексикона»
издаётся с ноября 2016 года
по благословению духовника
православной школы «Рождество»
протоиерея Александра Елатомцева

Главный редактор
Е. В. Семерикова

Выпускающий редактор
и верстальщик
С. Ю. Мамаев

Иллюстрации
из семейного архива автора
и интернет-источников

Корректор
В. Ф. Шварц

На обложке коллаж
из рисунков учеников
школы «Рождество»

Все номера журнала «Лексикон» можно найти на сайте *www.shkola-snegiri.ru*

Адрес для корреспонденции:
143591, Московская область, городской округ Истра, село Рождествено, улица Пионерская, дом 138А.

Электронная почта: *rozhd-school@mail.ru*

© 2018 Православная школа «Рождество»

RSPR 50-02118-Ж-01

* * *

Мы живём в быстро меняющемся мире. Кажется, ещё вчера всё было так понятно и привычно, – и вот – опять много нового, с которым нужно срочно разбираться, как-то к этому новому относиться. Сиюминутные заботы и проблемы часто совершенно не оставляют времени на то, чтобы вспоминать о тех, кто жил до нас и тоже мечтал, любил, строил планы, растил детей. Нам иногда кажется, что всё, что было пятьдесят, а тем более сто или даже сто пятьдесят лет назад может быть интересно только для профессиональных историков и архивистов. Но, к счастью, есть семьи, где думают по-другому, где память о прожитом не только сохраняется, но и передаётся дальше, детям и внукам. Потому что, на самом деле, это очень важно. Помните, у Александра Сергеевича Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу,
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

Вот так. Оказывается, память о прошлом нужна не для ответов на уроках и успешной сдачи экзаменов, а чтобы живо было человеческое сердце, жила душа. Мы с радостью представляем вам, дорогие читатели, второй выпуск «Библиотеки “Лексикона”» с фрагментами хроники большой и дружной семьи. Автор хроники хорошо знаком большинству из нас. Нина Георгиевна Гончарова – филолог, один из создателей музея-квартиры Фёдора Михайловича Достоевского в Москве, автор научных работ о творчестве Достоевского, автор книги воспоминаний о дружбе её отца, учёного-биолога Георгия Глёкина, с Анной Ахматовой, а ещё мама девятиклассницы Ирины, ученицы школы «Рождество» и постоянный автор журнала «Лексикон».

Кто знает, может быть, это чтение вдохновит и вас на создание своего семейного архива?

Нина Гончарова

Имя предков моих…

Фрагменты семейной хроники

У каждого человека имеются папа и мама, а к ним в придачу ещё двое дедушек и две бабушки. Но и у них тоже были свои папы и мамы, приходящиеся нам уже прадедами и прабабками. Так разветвляется и растёт родовое древо. Иногда от наших дедов-прадедов не остаётся даже имени, и это грустно. Когда же в семье бережно сохраняется то, что когда-то принадлежало родителям, дедам, прадедам, и ныне живущий молодой человек может поставить цветы в вазочку, изображённую на картине 1930-х годов; разрезать слипшиеся страницы книги ножом, который остался в семье от первого хозяина дома, услышать бой прадедовских часов, под который засыпал когда-то его маленький дедушка, – это дорогого стоит. Я хочу рассказать лишь об одной ветви нашей семьи, от которой много осталось в ящиках моего архивного комода – о моём прадеде со стороны папиной мамы, об её отце, военном юристе и библиотекаре, профессоре права Московского Александровского военного училища и неплохом художнике – полковнике Николае Ивановиче Сперанском и его семье.

...Просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.
А. С. Пушкин

* * *

Кажется, это было в начале июня 2010 года. Мы решили съездить в музей композитора Сергея Танеева в Дютькове под Звенигородом – туда несколько раз ездил передавать какие-то архивные материалы мой покойный отец. Но в те далёкие времена я ещё училась в университете и не очень-то задумывалась о семейной истории. И вот только теперь мы решили всё же съездить туда. И отправились – Александр Борисович, Иришка и я.

Проехав Звенигород, свернули на Дютьково и скоро увидели деревню среди лугов и лесов, зелёную деревенскую улицу, аккуратные деревянные домики, среди которых легко нашли музей. Это самый обычный деревенский дом, но его в 1900-х годах снимал на лето как дачу композитор и директор Московской Консерватории Сергей Иванович Танеев. Внутри у меня

Младшая дочь Ирина у калитки Дома-музея композитора Танеева в Дютькове. 2010 год

радостно дрогнуло сердце при виде тёмных деревянных стен, не обклеенных обоями – когда-то такие стены были и в нашем доме. Пол был тоже родной, с широкими скрипящими половицами; окна большие, выходящие в сад, и всюду старые, как бы знакомые вещи.

На стене – фотографии. Симфоническая капелла В. А. Булычева*, ученика Танеева, в полном составе восседает на травке где-то здесь, в

** Вячеслав Александрович Булычёв был учеником Сергея Ивановича Танеева, основателем и бессменным руководителем Московской Симфонической капеллы.*

Симфоническая капелла у Танеева. В центре – Вячеслав Александрович Булычев, справа от него – Наталья Николаевна Сперанская. Дютьково. Около 1910 года

Дютькове. Вглядываюсь – ну конечно, вот эту барышню я хорошо знаю: сидит с краю, чёрный жакетик, белая блузка, шляпка с чёрной лентой, немного раскосые, немного татарские грустные глаза... Это же тётя Таля, Наталья Николаевна Сперанская, тётушка моего отца, фактически вырастившая его, когда бабушка то занималась только что родившейся дочкой, младшей папиной сестрой, то работала (она была школьной учительницей математики). Тётя Таля пела в Симфонической капелле*... но об этом потом, а сейчас я просто скажу, что в семье именно она была домашним историком и архивистом, она всё сохранила – от документов родителей до рисунков отца и лорнета матери. И всё это она передала, умирая во время войны, любимому племяннику Егорушке**.

* * *

Вообще у папы имя любимой тётушки слетало с уст гораздо чаще, чем слово «мама». И вещей от Сперанских в нашем доме было не то, что много, а практически – всё. Квадратный обеденный стол в центре столовой был с секретом – под всегда белоснежной скатертью не была видна его столешница, представлявшая собой большую шахматную доску: прадед Николай Иванович очень любил шахматы. На одном из угловых квадратиков этой спрятанной ото всех доски был какой-то желтоватый наплыв смолы; мне очень нравились его очертания, и я с него срисовала карту для своей придуманной страны Нинланда, которая и сейчас у меня хранится, перенесённая на ватман мною уже в весьма взрослом возрасте.

Над столом неизменно висела большая лампа с белым абажуром и металлическим обрамлением. Когда-то она была керосиновой, но потом её слегка переделали, и она освещала нашу жизнь до самого конца нашего дома в 1978 году.

У двери в кухню стоял небольшой изящный книжный шкаф, отданный мне в безраздельное владение; там поселились сказки и стихи, Детская энциклопедия, приключения, фантастика, пираты, индейцы и мушкетеры. Об этом шкафчике было известно, что в добрые старые времена прадед Николай Иванович сажал на него свою миниатюрную жену, когда та уж очень начинала всеми командовать. Она боялась прыгать, а он не снимал её, пока она не переставала, наконец, руководить всеми и вся.

Вячеслав Александрович Булычев. Москва. 1902 год

За столом в простенке между окнами, выходящими в сад и на Ярославское шоссе, стоял высокий буфет с двумя башенками; у них были дверцы, забранные неровным зелёным стеклом, а за ними на двух полках хранились в одной посуда для чая и обеда, а в другой –

** Наталья Николаевна Сперанская пела в Московской Симфонической капелле с 1900-х до революции 1917 года. Капелла пропагандировала классическую западноевропейскую добаховскую музыку.*
*** Моего отца звали Георгий Васильевич Глёкин, но домашним его именем всегда было Егор – народный русский вариант имени Георгий.*

крупы, сахар, мука. На верху этих башен были укромные площадочки, обнесённые крошечным барьерчиком; на них обожали спать наши коты* – и всё видно, и безопасно, ибо их самих не видно, и тепло... Буфет из-за этих башен назывался в семье «Нотр-Дам».

У окна в той же столовой стоял стол, за которым я делала уроки, а в ящиках хранила свои сокровища. Это был маленький изящный столик, весь резной, с зелёной кожаной вставкой на столешнице, которую мне велели закрывать специальной глянцевой бумагой для ученических столов, зелёной или синей. Я покупала её в книжном магазине, пришпиливала кнопками, и некоторое время стол сиял первозданной чистотой и аккуратностью, радуя мамино сердце. Потом на листе появлялись кораблики, арифметические примеры, рожицы и кляксы, и мама заставляла меня снова менять бумагу. На округлом крае столешницы в самой её середине был явственный разрез; папа признался мне, что это он когда-то прорезал перочинным ножом столик тёти Тали. Сейчас столика уже давно нет – он развалился от старости, и только один из его ящиков по сей день стоит у меня на подоконнике с фотографиями, которые некогда разложить по альбомам.

Наталья Николаевна Сперанская с племянником Егорушкой. 1920 год

В другом простенке, между окном и дверью на террасу, стояло высокое узкое зеркало с подзеркальником на гнутых ножках. Оно было в тёмной раме из вишни, в его прозрачной глубине не было ни мути, ни пятен. Оно видело всё моё детство и начало моей юности, растрёпанные кудряшки и длинную косу, мои влюблённости и мою первую любовь, платья, сшитые мамой, роскошный цыганский костюм для школьного маскарада... Но больше того – оно видело также юность не только моих папы и тётки и молодость моей мамы, но и юность бабушки с тётей Талей, потому что, как и все остальные вещи, было перевезено дедом из маленького подмосковного имения прадеда под Можайском сначала в глёкинскую квартиру на Большой Пироговке, а затем в Лосинку.

Это были вещи моего прадеда, равно как и его погоны и кокарда, шкатулки и орденские ленточки, служившие папе книжными закладками, документы и письма, фотографии и визитные карточки, альбомы с рисунками и множество шуточных стихов, в том числе и сатирическая стихотворная история Александровского училища, сочиненная им... Более дорогие и редкие вещи были в своё время отданы в Торгсин за крупу или обувь**. Весь этот архив бережно хранила Наталья Сперанская, а затем разбирал и систематизировал мой отец. Биолог по образованию, биофизик по роду научной деятельности, в течение четверти века бессменный Учёный секретарь Акустического института АН СССР, он начинал свою карьеру учителем биологии в средней школе. Кроме документов и старинных вещей, Георгий Васильевич сберёг в памяти множество старинных преданий, передававшихся из уст в уста от старших к младшим; они-то зачастую и составляют связующие нити семейной истории.

Хранить архив в домашних условиях, конечно, далеко не столь надежно, как в государственных хранилищах. Понимая это, отец начал готовить материалы для передачи в большие архивы. Некоторые ценные матери-

** Кот Митрофанушка и его мамаша со скромным именем Мария Стюарт.*

*** В первые годы Советской власти Торгсины – специализированные магазины, торгующие с иностранцами, – спасали многих «бывших», то есть людей не пролетарского происхождения, так как в них можно было выменять на старинные или просто старые вещи, золото и серебро самые разные товары, необходимые для жизни: крупы, сахар, одежду, обувь.*

алы – например, письма известного историка Василия Осиповича Ключевского к прадеду, Николаю Ивановичу Сперанскому, или рисунки самого Николая Ивановича, сделанные во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов – были им отданы в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ныне – Российская Национальная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге) и в Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ныне Российская Государственная библиотека). Но большая часть архива осталась дома; часть писем Николая Ивановича Сперанского из Карса и письма к нему В.О. Ключевского я в своё время опубликовала в альманахе «Российский архив»*. Остальной же архив по сей день является собственностью нашей семьи.

Иван Михайлович Сперанский. 1850-е годы

В старом, давно несуществующем лосиновском доме, на стене, как раз над моим книжным шкафчиком, висел большой портрет военного в мундире и эполетах, с открытым и добрым лицом. Это и был мой прадед Николай Иванович, настоящий хозяин всех этих и других вещей в нашем доме, и о нём я и хочу сейчас рассказать – что-то своими словами, а о чём-то расскажет он сам.

* * *

По семейному преданию Николай Иванович Сперанский был внуком Михаила Михайловича Сперанского, государственного деятеля, знаменитого министра-реформатора начала XIX века, с которым связано, по слову Пушкина, «дней Александровых прекрасное начало». Кстати, у истоков Царскосельского Лицея, в котором учился Пушкин, стоял именно М. М. Сперанский.

Жена Ивана Михайловича Сперанского. 1850-е годы

Но к 1812 году реформаторский дух Александра I выдохся. Недовольство дворян реформами Сперанского достигло апогея, и в марте 1812 года всесильный министр пал и был выслан в Пензенскую губернию после долгого секретного разговора наедине с императором. О чём шла речь между царём и Сперанским, неизвестно. В ссылке у Сперанского родился внебрачный сын Иван – по официальной версии его матерью была одна из крепостных девушек Сперанского. В семье бытовали намеки на иную версию, но это лишь догадки.

Так или иначе, но Иван рос в пензенском имении отца. Он был усыновлён, получил фамилию и отчество отца, стал военным – гусарским офицером. Отец оставил ему небольшое состояние, которое позволило Ивану Михайловичу заключить, очевидно, вполне приличный брак и стать помещиком где-то в Орловской губернии. К сожалению, я не знаю ни имени своей прапрабабки, ни её жизни, а спросить уже давно не у кого. Со старинной, середины XIX века, фотографии на меня смотрит сердитая, неулыбчивая, словно озлобленная, властная женщина, рядом с которой на

** Н. Гончарова. Письма Н. И. Сперанского с Азиатского театра Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. // Российский архив, выпуск V. – 1994. С. 140; Письма В. О. Ключевского к Н. И. Сперанскому // там же. С. 174; С. Хитрова, И. Худушина. Русский реформатор М. М. Сперанский. Очерк жизни и деятельности. // М.: Российское Гуманистическое общество, 2001. С. 61.*

некоторых снимках притулилась робкая худенькая девочка – дочка Лена, моя двоюродная прабабка.

Кроме неё, было ещё три сына – Илья, Николай и Владимир. Семья не была счастливой, в конце концов, Иван Михайлович оставил жену. Будучи лихим офицером, он сумел, как это ни смешно звучит для нашего слуха, успешно промотать большую часть отцовского наследства на рулетке в Баден-Бадене (это печально известное место называлось в семье всегда чётко и определённо). Вскоре после этого И. М. Сперанский вышел в отставку и поселился в Павловске, куда затем приехала к нему дочь, Елена Николаевна, чтоб ухаживать за стариком. Жил он уединённо, почти нигде не бывал, кроме дворца великой княгини Елены Павловны, жены великого князя Михаила Павловича Романова, младшего брата Александра I и Николая I, где всегда бывал тепло принят.

Николай Сперанский – юнкер Александровского училища. 1860-е годы

Старшие сыновья Сперанского Николай и Илья окончили 3-е Александровское военное училище в Москве. Николай был выпущен в 1876 году и в чине штабс-капитана попал в 1-й лейб-гвардии Екатеринославский полк, за свою столетнюю историю успевший принять участие в Семилетней войне, турецких войнах времен Екатерины II и проделать всю кампанию славного 1812 года и заграничный поход русской армии 1813-1814 годов.

Как следует из писем молодого офицера, он был мечтателем и идеалистом, для которого высокие идеалы служения общему благу сливались с возвышенными представлениями о бессмертной любви. «Люби, люби меня, – заклинает он в одном из писем свою невесту, – ты моё сердце, мой мозг, мой воздух...»

Надя Казанская, невеста, а потом жена и вдова моего прадеда, моя прабабка... Она происходила из весьма многочисленной и очень небогатой семьи, хоть и принадлежавшей к княжескому роду. Но род этот настолько захирел, что и следов его ни я, ни отец не могли обнаружить в российских родословных книгах, и это было странно. Единственное упоминание о князе Казанском я нашла в книгах Р. Г. Скрынникова об Иване Грозном и его времени; этот титул был пожалован царём-батюшкой прямо на поле боя казанскому предателю Малюте Скуратову. Ничего себе! Я настолько оторопела, что даже не знала, как реагировать на возможность подобного родства. Быть потомком знаменитого на всю Русь мастера заплечных дел, пса опричнины, о котором и я, и мои девочки с детства читали в «Князе Серебряном»... В общем, мы с папой были потрясены – но всерьёз заняться генеалогией опять же не дошли руки. Так что оставим всё на уровне предания, заметив только, что, возможно, в этом и кроется причина крайнего захирения этого княжеского рода, а также и того, что о нём не хранят памяти родословные. Может быть, памятливые и недорезанные «прадедушкой» бояре сознательно выбрасывали само упоминание о нём из своих книг?..

Портрет юной Надежды Казанской

Бог с ним совсем, с Малютой... Господь давно уже с ним разобрался. Передо мной лежит рисунок прадеда, сделанный в последние годы жизни, выполненный тонким карандашом с растушёвкой. На нём по памяти изображён облик его юной невесты, словно выступающей смутно из тумана прошлого – такой

она была когда-то в его юношеских и влюблённых глазах. Конечно, портрет сильно идеализирован, если сравнивать его с фотографиями, но всё же, всё же... Это скорей портрет души – чистота, грусть, доверие, надежда, любовь – прежде всего любовь, не увядшая за многие годы семейной жизни.

Положение семьи было таково, что Надя Казанская была вынуждена служить гувернанткой в доме армянских князей Подгоричани, живших – по иронии судьбы, не иначе как в Новочеркасске.

...Подумать только – Новочеркасск, родина другого моего прадеда, моей мамы!.. Тихий, зелёный, уютный город, столица Войска Донского и один из интеллигентнейших, культурных центров Юга России. В начале 1870-х годов мой второй прадед Георгий Андреевич Павлов окончил Новочеркасское юнкерское училище, был распределён в 11-й Донской кавалерийский полк и женился на новочеркасской учительнице, прелестной юной девушке Вареньке Свирякиной, которой, однако, не суждено было стать моей прабабкой. Они были молодые, счастливые, влюблённые, у них родилась дочка Сашенька, они ходили по тем же широким тенистым улицам, молились в Новочеркасском Воскресенском соборе на горе, как и моя прабабка-гувернантка... Может, они даже встречались иногда, проходили мимо, не зная, как крепко связаны их судьбы в неизвестном им, но, безусловно, счастливом будущем...

Надежда Казанская. Новочеркасск. 1870-е годы

Не дано человеку знать своё будущее. Варвара Константиновна Павлова в 22 года умерла родами, оставив сына Серёжу, который тоже погиб через несколько лет. А безвестная юная гувернантка ушла со службы и стала любимой и любящей женой своему избраннику. Вернёмся к ним.

* * *

Они поженились незадолго до русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Весной 1877 года ситуация на Балканах стала настолько напряжённой, что России пришлось от полумер – помощи медикаментами, участия добровольцев, сбора средств в пользу повстанцев – перейти к открытым военным действиям. После объявления Россией войны Турции две армии двинулись в поход – одна на Балканы (в её составе были мои прадеды Г. А. Павлов и И. А. Глёкин), другая – в Малую Азию, чтобы напасть на Турцию с тыла и тем самым парализовать её силы на европейском фронте.

Дело освобождения братских славянских народов от османского ига было воспринято в России как давно ожидаемое событие. Освобождение Болгарии и Сербии от многовекового турецкого владычества связывалось в рядах интеллигенции с мечтами о революции, о преобразовании России. Не случайно свой роман о борьбе болгар против турок Тургенев назвал «Накануне», не случайно Добролюбов свою статью об этом романе озаглавил «Когда же придет настоящий день?» Передовые умы видели в свержении турецкого ига торжество исторической справедливости, добра и разума, во имя этих идей многие добровольцы готовы были положить свои головы.

Так воспринимал события и мой прадед Николай Сперанский. Его полк принял участие в военных действиях на малоазиатском фронте и после ряда сражений осадил и взял штурмом турецкую твердыню Карс. К тому времени прадеда уже ранили «в деле 22 сентября», как он пишет, но он остался в строю, хотя до конца дней после того немного прихрамывал. Однако жене он ни словом о ранении не обмолвился, пока не оказался в безопасности и не получил орден за то самое сражение. Дело в том, что, провожая мужа в поход, Надежда Константиновна ждала ребёнка. Многочисленные письма прадеда с фронта – а он писал каждый Божий день – пронизаны заботой, советами, беспокой-

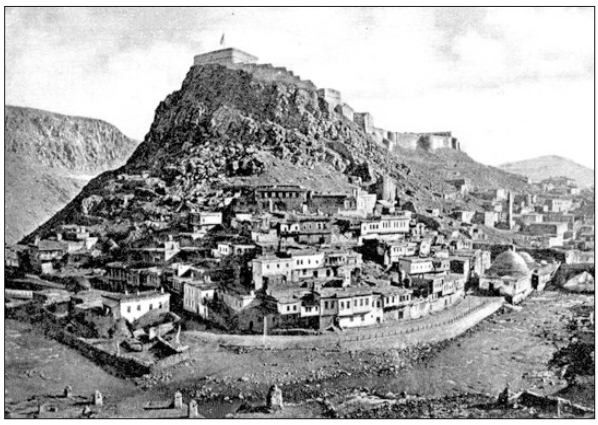
ством, но в них мало о сражениях и осадах: он очень берёг свою Надюшу. Но всё же описанию взятия Карса посвящено целое письмо, а будничная жизнь в завоёванном городе представлена такой, какой она показалась непривычному европейскому глазу. Вот некоторые выдержки из этих писем – пусть письма сами говорят за себя и за своего автора.

Из писем Н. И. Сперанского

Владикавказ, 20 августа 1877 года. Вот мы и во Владикавказе! Здесь мы простоим недолго: 22 августа выступаем, дойдём до Тифлиса, собственно до поселения Мцхет, затем круто поворачиваем на запад и идём по дороге до селения Михайлово, откуда опять пешком идём на юг в Ахалкалаки, где уже и останемся и будем составлять резерв действующей армии...

Главное, капля моя, пиши о своём здоровье и о твоём душевном состоянии как можно подробнее и откровеннее... Что тебе сказать о Владикавказе? Плоды здесь не особенно дёшевы по-здешнему: персики стоят 5 копеек за фунт... в фунте 5 или 6 персиков... Красивых женщин и детей здесь множество, все грузинки, лезгинки и прочих народностей.*

Ну, до свидания, моя дорогая, милая, голубка моя, целую тебя очень, очень... Твой Н. С.



Город Карс и его крепость. XIX век

Лагерь вблизи аула Мусат, 19 октября 1877 года. Ну, как твоё здоровье теперь, моя бесценная деточка? Как ты себя чувствуешь? Я спрашиваю это в уверенности, что когда это письмо дойдёт до тебя, – всё уже будет давно кончено, и ты будешь нянчиться со своей каплей (капля с каплей). Ради самого Бога береги себя...

В Карс непрерывно бросают бомбы и гранаты, и как это просто делают, если бы ты знала: поставили вокруг города в нескольких местах большие осадные орудья и через каждые 20 минут стреляют в город преравнодушно, точно на практической стрельбе, лениво, по-домашнему. Эта халатность бомбардировки происходит от того, что наши орудия стоят в 9 верстах от Карса и гранаты наши не только попадают в город, но и перелетают через него, тогда как карские орудья бьют только на 7 верст, следовательно, не могут причинить нашим батареям никакого вреда...

Штурмовать Карс не предполагают, а хотят разрушить его бомбами, а гарнизон выморить голодом, что очень легко, потому что 80-тысячная армия охватила Карс кольцом...

Лагерь при Главной квартире, 6 ноября 1877 года, 4 часа дня. Теперь ты знаешь всё, радость моя, знаешь, что я жив, здоров и невредим, это всё ты знаешь из моей телеграммы, которую я послал тебе сегодня утром...

Постараюсь насколько можно подробно описать тебе всё дело... Часов в 5-6 вечера мы узнали по секрету, что на сегодняшнюю ночь назначен штурм Карса. Наступило 8 часов вечера. Почти полная луна высоко взошла на небе и осветила ярким серебряным светом белые стены и минареты страшной и могучей крепости, окружающие её форты и всё обширное поле с раскинутыми во многих местах белыми палатками наших лагерей...

Тишина была полная, воздух был зловеще тих и холоден, и только громадное осадное орудие, поставленное за 9 верст от города и прозванное солдатами «старушкой» нарушало время от времени мёртвую тишину своими страшными выстрелами, которые аккуратно через каждые 15 минут потрясали воздух на огромном пространстве и точно резали его. После каждого выстрела через несколько секунд раздавался выстрел в самом Карсе – это разрыв нашей гра-

** Такое ласковое прозвище дал жене Николай Иванович за её миниатюрность.*

наты в цитадели города. Каждый такой разрыв подымал сноп огня и дыма и нередко вызывал пожар в городе...

Турки через своих шпионов пронюхали, что сегодня ночью будет штурм, и потому, как только стемнело, спустили с гор, окружающих Карс, несколько батальонов, которые должны были встретить наши войска и не допустить их до штурма. Но этим распоряжением они страшно навредили себе: едва только они заметили при лунном свете приближающиеся наши войска, они тотчас открыли ружейную и артиллерийскую пальбу, которая по дальности расстояния и невозможности определить расстояние и верно прицелиться не приносила нашим почти никакого вреда. Наконец, идя вперед, наши решили, что, так как турки открыли нас, то надо уж начинать дело и чем скорее, тем лучше, и пошла потеха!

Все мы, офицеры и солдаты 1-го батальона, взобрались на гору впереди своего лагеря, с которого открывалась великолепная картина страшного боя...

Я испытал в высшей степени сильное ощущение, глядя со стороны на страшную жарню... Турки защищались отчаянно; ружейный огонь был так част и непрерывен, что казалось, что склоны гор, которые они занимали, были усеяны горящими плошками... Это была непрерывная огненная нитка; огонь из орудий также сверкал во всех местах непрерывно. Самая жарня началась ровно в 9 часов вечера и продолжалась до 2 часов ночи, затем в 7 часов утра или в начале 8-го всё было кончено и в Карсе распоряжались, как дома, наши войска за исключением нашего сонного батальона...

Штурм Карса. Картина Матэ

Сегодня, отправившись на гору, я увидел следующую картину: как вчера луна, так сегодня солнце ярко освещало поле битвы, окаймлённое со всех сторон по горизонту громадами гор, покрытых ослепительным снегом, усеянным точно разноцветными искрами под влиянием солнечных лучей; вся громадная цитадель из белого камня вчера была облита белым светом луны – сегодня она ещё резче выдавалась на чёрном фоне скал, но в бинокль ясно можно было видеть, как страшно она разрушена нашими снарядами; город представлял собой дымящиеся после ночного пожара развалины... Сегодня тишина была ещё полней вокруг, но это была уже тишина не зловещая, не нарушаемая мерными выстрелами орудия, а тишина, показывающая полный отдых и покой (для многих вечный). Я снял шапку и от всего сердца перекрестился, моля Бога, чтобы Он никогда больше не привёл меня ещё раз быть свидетелем этой страшной картины ада, которой был свидетелем...

Карс, 23 ноября. Ты представить себе не можешь, моя милая, бесценная Надюшечка, какое светлое радостное чувство волновало меня, когда получил я сегодня твое письмо от 12 ноября. Милая ты моя, дорогая деточка, спасибо тебе! Насчёт твоего здоровья я почти спокоен, веря безусловно тебе, моя капля. Я знаю, что не скажешь мне неправду. Береги только себя как можно больше. Родная моя, ты пиши мне только четыре слова, но если можно – каждый день, что ты и Коля здоровы, тогда я буду уж совсем спокоен и счастлив...

Я до сих пор не вполне могу привыкнуть к мысли, что у меня там, в Москве, дома, есть сын... Когда я получил твоё письмо, я ушёл с ним в самый отдалённый угол крепости, где души нет, потому что я очень плакал, когда читал его. Каждая твоя фраза вызывала слёзы счастья. Знаешь ли, Надюша, теперь уже факт совершился и его не изменишь, но я тебе откровенно скажу, что до смерти рад, что родился сын. Впрочем, я и сам теперь не пойму, рад ли этому, потому что я думаю, что если бы родилась девочка, я сказал бы то же самое. А вот что действительно до смерти меня радует,

так это то, что всё кончилось так благополучно, и ты теперь здорова. Это для меня дороже всех мальчиков и девочек на всем свете.

Спасибо тебе, моя радость, за альбом, а в особенности за карандаши, потому что альбом, табак и почтовая бумага – всё это у меня есть, а вот карандашей вовсе нет и достать их здесь очень трудно. А я, признаться, думал: вот если бы Надюша догадалась прислать мне хороших карандашей для рисования!..

Краткое отступление от потомка-составителя: дело в том, что Николай Иванович был прекрасным рисовальщиком, оставившим нам на радость множество выразительных рисунков и несколько прекрасных альбомов с портретами и пейзажами, выполненными в основном карандашом. Но об этом я скажу позже, а пока добавлю, что, получив карандаши, прадед немедленно взялся заполнять так называемую «Карскую тетрадь», в которой зарисовывал всё самое интересное для своей Надюши. В настоящее время эта тетрадь находится в собрании рукописей РГБ.

Карс, 28 ноября 1877 года. Милая моя деточка! Я совсем забыл в прошлом своём письме ответить тебе на твой вопрос, который тебя, по-видимому, очень интересен, именно об эпидемиях в здешнем крае. Давно уже, ещё летом и ранней осенью что-то толковали об эпидемии здесь, но в действительности оказалось, что никакой эпидемии во всём крае нет... Больных у нас в полку довольно много, но все простудами, потому что солдаты до сих пор стоят в палатках и спят на мёрзлой земле, а между тем полушубков у них нет, и они, бедняги, довольствуются только своими протёртыми шинелями. Поэтому неудивительно, что они часто простужаются и заболевают простудными лихорадками, но тифов или каких-нибудь эпидемических болезней вовсе нет. Так что если улучшится быт солдат, если перевести их в тёплые казармы и выдать тёплые полушубки, больных значительно убавится. Климат здесь чрезвычайно здоровый...

...Мы уже совершенно забыли о всякой войне и живём на самом мирном положении. С турками-жителями очень хорошо сошлись. Они оказываются вовсе не такими свирепыми зверями, как о них привыкли до сих пор думать у нас в России. Это добродушнейший народ, в котором много наивного, как во всех дикарях. Цивилизация, как видно, очень мало проникла к ним, они живут, по крайней мере, лет на 200 сзади обитателей любой из великорусских деревень. О гостеприимстве их пока нельзя судить, так как они не избавились ещё от того страха, какой нагнали на них русские своими победами; но раз турок узнал тебя и увидел, что ты ему никакого зла сделать не намерен, он открывает тебе двери своей сакли, кроме одной, самой задней комнаты, в которой обитает какая-то закутанная в тряпьё мумия, именуемая его благоверной. Это сокровище, будь она хоть самой поганой рожей, он никому не покажет...

Но что здесь производит на меня в высшей степени приятное впечатление, так это дети, существа незлобивые и невинные, здесь они прелестны... С ними я всегда на улице болтаю и смеюсь, и они мне что-то лепечут и показывают свои крошечные белые зубёнки, и хохочут своими большими дивными глазами, которые даже у крошечной девочки горят какой-то страстью и негой из-под длинных и тёмных ресниц, причём маленькая красавица кокетливо откидывает назад свою очаровательную головку, окружённую целыми волнами густых чёрных локонов. Да, дети здесь прелестны и никого не дичатся, это особенно составляет их замечательную черту...

Карс, 29 ноября 1877 года. Жду, моя голубка, от тебя письма с большим нетерпением... Что же это Коля? Когда же пройдёт его живот? Сперва я относил это к обыкновенной болезни всех грудных детей, но теперь, видя, что болезнь не проходит, начинаю беспокоиться. Отчего это происходит?.. Впрочем, я уверен, что наш молодчина Колька будет здоров и с каждым днём будет крепнуть и здороветь. Иначе не может и не должно быть.

Сегодня утром к нам влетает денщик с сияющим лицом и объявляет, что Плевна взята. Слава Богу! Наконец-то! Видно, наш пример подействовал на них. Теперь уж конец очень неда-

лёк, и мы ждём к весне мира. Воображаю, что делается теперь в Москве! Не успели ещё снять флагов, развевавшихся по случаю взятья Карса, как пришлось снова водрузить их. Да, ликование в России идёт теперь грандиозное и повсеместное. Интересно, как карские жители-турки отнеслись к разбитию армии Османа и взятию его в плен; когда раздались первые пушечные выстрелы с цитадели в ознаменование победы, жители с сияющими лицами выскочили на крыши своих домов и с радостью кричали: «Осман пропал, якши! якши!» («Осман погиб, хорошо, хорошо!»)... Завтра у нас будет торжественный молебен и затем парад...

Обнимаю и целую тебя и мою маленькую каплю, благослови его за меня. Твой всегда.

Карс, 2 декабря 1877 года. Мои письма летят точно вдогонку одно за другим и вероятно действительно догоняют, потому что теперь стали очень часты остановки на дороге по случаю больших снегов в горах и распутицы... Я пишу буквально каждый день, значит, ты должна каждый день получать их...

С 6 часов, то есть как только начинает темнеть, в Карсе прекращается всякая жизнь: все спешат наглухо запереть свои конуры, нигде не слышно ни говора, ни езды, даже ни одного пешехода не встретишь на улице, кроме военного патруля...; нигде не видно в окнах огня, кроме тех домов, которые заняты нашими офицерами и вообще русским начальством. Ночью наступает время турецких собак, которые в это время целыми стаями бродят по улицам и по крышам домов (почти все крыши турецких домов в уровень с улицей, а часто даже ниже улиц) и зачастую поднимают такой адский концерт своим вытьём, что неудивительно, если на другой день увидишь валяющийся посреди улицы труп какой-нибудь собаки; это значит, что кто-то из нашего брата, непривыкший к таким концертам, не выдержал... Мне кажется, что свежий человек, попадя на такую адскую музыку, через полчаса должен непременно заболеть, а еще через час умереть, потому что человеческие нервы не так устроены, чтобы вытерпеть это истязание...

Рисунок Николая Сперанского из «Карской тетради»

Карс, 18 декабря 1877

...Как здоровье твое и Колино? Что его животик? Поправилась ли мать? У нас нового ничего нет, кроме того, что в Карсе завели на улицах фонари, а мы с Островским завели у себя кошку – вот и все карские новости. Теперь ночью на улицах города светло, и в нашей комнате мыши присмирели... а прежде они очень обижали бедного Островского; он ужасный сластёна, и под диваном у него всегда стоит деревянный ящичек с печением; мыши пронюхали это и ни одну ночь не давали ему спокойно спать... Вот мы и завели себе великолепного ангорского кота. Кот громадного роста, белая мягкая и чрезвычайно длинная шерсть и с невообразимо пушистым толстым хвостом. Стоит мне или Островскому поманить его рукой, и он, громко мурлыча, бежит ко мне или к нему на колена. Теперь он спит, свернувшись на моей кровати, и как я ни отучал его от этой фамильярности, не мог отучить и махнул рукой...*

На днях всем солдатам до последнего раздали, наконец, полушубки, очень тёплые и хоро-

** Имеется в виду мать Н. И.Сперанского.*

шие. Теперь больных у нас будет ещё меньше. Странно, в моей роте всё время больных гораздо меньше, чем во всех остальных ротах; народ ли у меня здоровей или другая причина, но я счастлив этим обстоятельством.

Не состоится у меня в роте на Рождество театр, потому что главный мой Гомер и драматург мой и самый умный во всем полку – писарь мой Крылов болен... без него ничего сделать нельзя: он – режиссёр, антрепренёр, сочинитель и самый лучший драматический актёр. Шумский даже хуже, и поэтому без него дело не склеится; очень жалею об этом...*

...Всё-таки я буду писать тебе, что в голову придёт, как сегодня, например, потому что я знаю, что самое пустое письмо, как, например, это, для тебя всё-таки приятней, чем самое глубокомысленное молчание, правда?..

Карс, 25 декабря 1877 года. Если ты, Надюша, получила мои два последние письма, то ты знаешь, что у нас на Рождество предполагалась елка, и состоялась. Теперь займусь подробным описанием праздника.

*24-го числа, в Сочельник**, все офицеры получили от Неелова*** приглашение, в котором было сказано, что он просит нас пожаловать ко Всенощной, по окончании которой к нему на ёлку. Весь этот день я провёл в больших хлопотах по устройству всей обстановки: меня Неелов просил «как художника». На огромной деревянной раме я натянул красный кумач, склеил такой же величины лист бумаги, на котором нарисовал «А» (вензель «А» под императорской короной), при этом постарался, чтобы вышло как можно красивей; вырезал эту букву и наклеил лист на кумач. Затем самую букву разрисовал тенями с помощью прованского масла и куриного пера; установил этот вензель и зажёг за ним 12 стеариновых свечей, прикреплённых к приделанной к стене рамке, затем задрапировал весь лист белым коленкором буфами, которые прикреплялись розетками из того же коленкора с красными каёмками. Эффект вышел такой, какого никто не ожидал: так как вензель освещался сзади, а не спереди, и очень сильно, то буква, смазанная ещё маслом, точно горела самым ярким красным пламенем на алом фоне, окружённом нарядной белоснежной драпировкой.*

Вензель стоял у стены, противоположной входу в залу... а посреди залы горела огромная ёлка с массой стеариновых свечей, увешанная самыми разнообразными вещами, конфетами, яблоками и вообще всем тем, что обычно составляет необходимую принадлежность всякой богатой ёлки. Между прочими вещами висели предметы. составляющие здесь, в Карсе, самую первую драгоценность, которая так дорога, что покупается почти на вес золота: это два простые берёзовые полена, обвитые пунцовым шёлком с бантиками и сусальным золотом, и клок сена, разукрашенный так же. Вышло чрезвычайно остроумно и вызвало бешеный хохот.

С обеих сторон ёлки тянулись два громадных стола, уставленные гранатами, заменявшими канделябры, и всеми принадлежностями к чаю. Стены горели массой свечей, вставленных также в самодельные из телеграфной проволоки, очень изящные канделябры, с потолка спускались две люстры колоссальных размеров, сделанные из той же проволоки. Вообще всё убранство и вся обстановка были настолько превосходны, что трудно было поверить, глядя на эту залу, что мы живём в Карсе, а не в Петербурге или Москве.

...От Всенощной все отправились вниз, где была приготовлена ёлка. Впечатление, произведённое на входящих в эту залу, было такое сильное и приятное, что все останавливались и никто не мог удержаться, чтобы не произнести «Ах!» Для нас, устроителей, этого было достаточно, чтобы довольно улыбнуться и с полным сознанием собственного достоинства окинуть гордо-снисходительным взглядом поражённую толпу... Все поздравляли меня с «превосходным художественным произведением», а я, как герой дня, благосклонно пожимал протягиваемые руки.

** С. В. Шумский (1820-1878) – знаменитый русский актёр, с 1841 года играл в Малом театре.*
*** По старому стилю.*
**** Командир батальона.*

Вдруг неожиданно для всех в конце залы грянула молодецкая удалая военная песня – это мои стрелки, введённые мною потихоньку в залу. Новый эффект!.. Во всё продолжение вечера песельники пели, чередуясь с оркестром музыки... После ужина... я уехал – я устал и должен был ещё написать тебе. Меня никак не пускали уехать, но я выскочил хитростью с помощью своих стрелков. Придя домой, я тут же принялся писать тебе письмо, которое, однако, не заняло много времени, и, завалившись на кровать, заснул богатырским сном...

Но при всем веселии не обошлось без грустного случая. Когда все были уже изрядно навеселе, заставили музыку играть полонез, стали в пары и Новицкий 2-й вдруг схватился за колено и сел на первую попавшуюся скамейку. У него оказалось растяжение жилы в колене, а был ещё и вывих... Тотчас же несколько человек офицеров с Новицким 1-м отнесли его ко мне на квартиру, как к его хорошему товарищу. Часа в 4 ночи я вдруг слышу шум нескольких голосов над своей головой, просыпаюсь и вижу, что Новицкого укладывают в шкаф – тут мне и объяснили, в чём дело. Утром я перевел его на свою кровать, а сам устроил себе постель в шкафу и оставил его у себя на всё время его болезни...*

Рисунок Николая Сперанского из «Карской тетради»

*Сегодня в 1-м часу дня я, надевши мундир и прицепивши свой орден**, отправился в свою роту – поздравить стрелков с праздником и выпить с ними чарку водки...*

Теперь буду отвечать на твое письмо... ты говоришь, моя деточка, что не совсем понимаешь мои слова: «крест, доставшийся мне не совсем дешёвой ценой» и тут же сама разъясняешь смысл этих слов тем, что я претерпел очень много лишений и трудов физических и душевных, и за это получил свой крест. В этом смысле я и говорил, но теперь всё это уже давно забыто, и настоящая жизнь сложилась так удачно, что впечатления этого первого трудного времени сильно поизгладились

...Наконец-то ты, глупая моя девочка, «теперь только успокоилась насчёт меня». Слава Богу! Давно пора!..

Надюшечка, я думаю и даже уверен, что ты сильно балуешь Колю и вот вследствие чего он неспокоен. Малейший крик – и ты берёшь его на руки, где ему, конечно, лучше, чем на кровати, и потому он, привыкнув к этому, уже не может примириться и успокоиться кроватью... Характер в человеке складывается очень рано и формируется так незаметно, что нужно быть в высшей мере осторожным и предусмотрительным, чтобы не привить к ребёнку помимо своего желания таких качеств и наклонностей, которые потом уже трудно, даже невозможно будет исправить... Целую и благословляю моего дорогого баловня, то есть твоего. Береги ради двух Колек своё драгоценное здоровье. Ваш Коля.

*Карс, 14 января 1878 года. Господи, с каким нетерпением жду от тебя ответ о том, как ты устроилась, здорова ли, здоров ли Количка, переехала ли ты в Покровские казармы***... Все эти вопросы не выходили у меня из головы и на*

** Приятель Николая Ивановича по полку. Второй – потому что Николай Иванович дружил с его старшим братом.*

*** Орден Святой Анны с мечами, полученный за взятие Карса перед Рождеством. За сражение 22 сентября во время похода на Карс Н. И. Сперанский также получил орден – крест.*

**** В казённую квартиру при Покровских казармах, где предоставлялось жильё офицерам.*

все надеюсь получить ответ в следующем твоем письме... Сегодня к Мореву приехала жена и поселилась у него в комнате... У меня почему-то вид этой семейной жизни не вызвал вовсе зависти; вероятно, это потому, что живут они както по-бивачному, в чужом углу, в турецком городе, откуда все стремятся поскорей вырваться, а они устраиваются. Вообще я не сочувствую такой жизни, я жажду поскорее быть дома у себя на месте и устроиться в своём семейном гнезде основательно, не на время, не побивачному. Вот Роппу я завидую, что он едет в Москву на днях; но и ему нельзя, впрочем, завидовать, так как он заболел... А я хочу совершенно здоровым вернуться домой и притом до конца испивши чашу, до конца исполнивши долг, взятый на себя. Тогда возвращение будет несравненно приятнее. Скоро, скоро, говорят, уже будет мир, и мы, как говорил Ропп, весной поедем обратно в Москву. Дай-то, Господи!*

*На днях Измаил-паша приезжал из Эрзерума к Лорис-Меликову** в Галан-Кале (около Эрзерума), как говорят, с целью переговоров. Значит, и у нас дело идёт уже о перемирии. Никаких дел под Эрзерумом давно уж нет, все ждут только перемирия...*

Прощай, моя бесценная деточка, целую тебя крепко и нашего каплю-Колюшку. Кланяйся всем, всем! Да благословит вас Господь, моя бесценная жена. Ваш Коля.

Надежда Сперанская с сыном Николаем. 1878 год

Карс, 23 января 1878 года. Ну, наконец-то! спасибо тебе, моя бесценная деточка – сегодня сразу три твои письма...

Ты уж слишком, дитя моё, представляешь себе меня каким-то идеальным, тебе только кажется вдали, что все эти поступки мои, моё поведение 20, 21 и 22 сентября полны такого мужества, такого совершенства, перед которым, как ты говоришь, можно благоговеть. Тут просто, деточка, тебя увлекает любовь ко мне, которая заставляет тебя видеть во мне какое-то совершенство. Ровно ничего особенного, ничего грандиозного я не сделал, сделал только то, что сделал бы на моём месте всякий порядочный человек, имеющий самолюбие... Настоящая или лучше сказать, недавно прошедшая моя боевая жизнь, жизнь не фантазия и не теория, а жизнь дела, и самого серьёзного, кровавого дела, требовала от меня применения тех убеждений, на которых покоилась до сих пор вся моя мирная жизнь, убеждений, которые составляли мою гордость. Чтобы остаться верным себе, я должен был не отступать ни на шаг от моих убеждений, и не отступил – первая серьёзная проба удалась как нельзя лучше, и мне не пришлось терять уважения к себе. Особой заслуги, как видишь, с моей стороны в этом нет; я просто из уважения к себе постарался быть последовательным тогда, когда жизнь потребовала от меня показать на деле прочность и порядочность моих убеждений, которые вследствие этого ещё более окрепли во мне. Все это, Надюша, очень просто и не очень высоко. Что же касается того... достойна ли ты меня или нет, – это вопрос очень старый, который мною давным-давно решён, а потому ты не имеешь никакого права касаться его... я всё-таки скажу тебе, что считаю и всегда буду считать тебя родной, святой женщиной, которая принесла так много счастья своему другу... Аминь, больше ни слова! Не смей мне возражать, Надюшка моя...

Карс, 19 февраля 1878 года. Поздравляю, поздравляю, поздравляю тебя, моя милая бесценная деточка! Мир подписан.

** Командир полка.*

*** Михаил Тариелович Лорис-Меликов – корпусной командир, осуществлявший общее командование русскими войсками под Карсом.*

Подробности сегодняшнего дня опишу завтра, так как теперь уже 3 часа ночи, я только что вернулся из клуба и надо спать. Но сообщу вкратце вечер. Во время общего веселья и танцев мы вдруг услышали где-то крики «ура»; танцы тут же прекратились, в зале воцарилось молчание, и в комнату вдруг влетел телеграфист, и, подавая телеграмму Великого Князя Неелову, закричал: «Мир! Ура!» Неелов едва мог унять страшный крик «ура» и, когда, наконец, все успокоились, прочёл следующую телеграмму Великого Князя: «Мир подписан. Государь Император ещё раз приказал благодарить малоазийские войска за все их славные дела».

Можешь себе представить, что случилось в зале после этих слов! Дамы бросали платки на воздух, офицеры (около 100 человек) раздирали себе горло, крича неустанно «ура», которое разносилось далеко в городе. Музыка гремела «Боже, Царя храни!» Лица у всех были в высшей степени восторженные, на многих глазах дрожали слезы. Все обнимались и целовались побратски, как после заутрени Светлого Христова Воскресения. Нечего и говорить, что как по волшебству какому-нибудь тотчас же явилось шампанское и полилось рекой. Я не могу тебе сказать, в скольких объятиях я был, сколько уст крепко, крепко меня перецеловало, но все обращались ко мне со следующими словами: «Вас, Николай Иванович, особенно поздравляю. Вот кому это радостное известие больше всех нужно, больше, чем кому-либо дорого!» Приблизительно этой фразой меня поздравляли все. Ты можешь себе представить, Надюша, как я был счастлив в эту минуту! Неелов сказал мне: «Ну, теперь не долго нам с вами ждать. Скоро, скоро увидим мы наши семейства – нас здесь не будут долго держать, двинут в Москву».

Так вот, Надя моя, какой радостный сегодняшний день. Сегодня для меня вообще счастливый день: твоё письмо, полученное утром, такое милое, хорошее, радостное, спокойное, сколько надежд проглядывает в нём, такое отрадное письмо, какого я давно не получал. Оно привело меня в превосходное расположение духа, и я убрал клуб так, что все ахнули, любовались и благодарили меня, и знакомые, и незнакомые...

Пока до свиданья, моя родная Надюша, кланяюсь всем! Целую и благословляю тебя и Колюшку Капельного. Да хранит вас Господь для вашего Коли.

Но в Москву Екатеринославский полк попал только в августе 1878 года. Передо мной на столе лежит кипа писем из Карса, написанных уже после известия о подписании мира, а рядом – пожелтевшие от времени документы: указы о награждении различными орденами за выслугу лет и среди них – бумага, исписанная писарской рукой. Это предписание, данное в 1882 году «прикомандированному к военно-прокурорскому надзору для практических занятий по военно-судебной части капитану Сперанскому» о назначении его на должность библиотекаря 3-го Александровского военного училища. Предписание стало вехой в жизни прадеда. В должности библиотекаря, а также хранителя музея Александровского училища

3-е Александровское военное училище в Москве. Начало XX века

он прослужил десять лет, а с 1892 года и до конца жизни уже полковник Сперанский был штатным преподавателем училища, профессором военного законоведения.

* * *

Несколько слов о самом московском Александровском военном училище. Оно было основано в 1863 году, в эпоху больших реформ во многих сферах застоявшейся при Николае I государственной жизни. Крымская война показала неприспособленность русской армии к

ведению современной войны, слабую подготовленность офицерского состава, его разношёрстность. В связи с общей реорганизацией русской армии был принят ряд мер по обеспечению серьёзной подготовки офицерства в высших военно-учебных заведениях.

Как отмечает историк, по замыслу министра просвещения Д. А. Милютина, училище должно было бы стать «вторым московским университетом для военных»*. В училище принимались, кроме воспитанников военных классов кадетских корпусов, молодые люди с университетским образованием. Обучение продолжалось два года, в течение которых юнкера получали не только разносторонние знания по военным дисциплинам (тактика, артиллерия и артиллерийское черчение, военная топография, фортификация и другие), но и по дисциплинам общеобразовательным: математика, физика, химия, механика. Более того: воспитанники обучались русскому языку и литературе, русской и всемирной истории, иностранным языкам, началам философии и богословия. В училище был введён принципиально новый метод обучения: основу его составляли лекционные курсы по всем предметам, в дополнение к которым вводилась система репетиций, когда пройденное на утренних занятиях проверялось преподавателем-репетитором по каждому предмету. Для преподавания в училище были приглашены лучшие учёные силы, в том числе знаменитый русский историк Сергей Михайлович Соловьёв, много лет заведовавший кафедрой истории в училище, и его ученик, не менее знаменитый историк Василий Осипович Ключевский.

Дополнительно в систему занятий включались уроки гимнастики, фехтования, верховой езды; обязательными были строевые занятия. Это делалось для того, чтобы выпустить в армию хорошо подготовленных офицеров. Но как ни напряжён был расписанный по минутам день юнкера, все же для воспитанников второго года обучения выделялось время на посещение библиотеки и чтение, а также на походы в кремлевские дворцы и соборы, на посещение других достопримечательностей Москвы и Подмосковья. Регулярно устраивались и походы в театр – и организованно, и, что называется, через забор**.

Библиотека Александровского училища, которой долгое время руководил Н.И. Сперанский, также заслуживает внимания. Кроме специальных книг по первостепенным для военных предметам, здесь были сочинения по русской и европейской литературе, истории, искусству. Большой раздел богословской литературы, книги по психологии и философии включали в себя сочинения Бокля, Дарвина, Шопенгауэра, Монтеня, Бэкона... Что же касается «новой русской словесности», то, кажется,

Библиотека Александровского военного училища. Начало XX века

нет в ней такого произведения, которое бы не имелось в библиотеке «университета для военных». Ломоносов, Херасков, Державин, Карамзин, Фонвизин, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Некрасов, Тютчев, Салтыков-Щедрин... Полные подшивки «Отечественных записок» и «Современника», статьи Добролюбова и Белинского, Чернышевского и Герцена... Был даже отдельный раздел «запрещённых книг», в которые также любой юнкер мог свободно пройти, если его интересовал, скажем, герце-

** М. Нечкина. В. О. Ключевский. Жизнь и творчество. – М., 1974. С. 137.*

*** О тогдашней жизни Александровского военного училища и его юнкеров рассказывает фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник».*

новский «Колокол», запрещённый к распространению в России. Столь же богаты были фонды зарубежной литературы и литературы на иностранных языках.

Доступ в библиотеку был, как я сказала, свободным, но Н. И. Сперанский оборудовал ещё и подсобные библиотечки из 500-600 названий в ротах училища. По вечерам специально выделялось время для чтения.

Будучи человеком, наделенным даром стихоплетства, Николай Иванович сочинил сатирическую «Историю Александровского училища» в стихах, которая начиналась так:

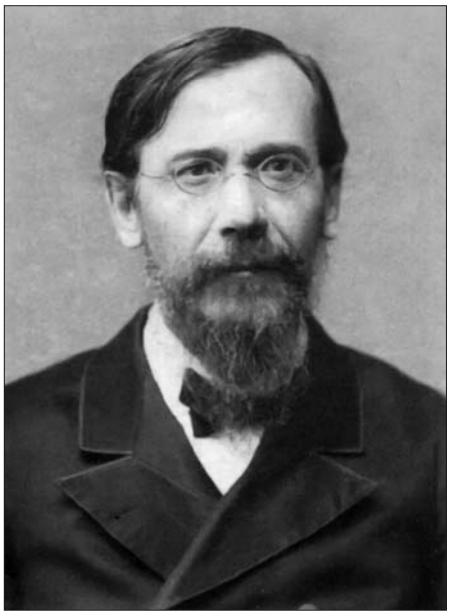
В Москве на Знаменке, направо,
Стоял огромный красный дом.
По городу дурная слава
Распространилася о нём...

Это – о проказах и похождениях юнкеров. Но вот речь заходит о преподавательском составе. Вот пассаж об одном из начальников училища:

Для юношей он сделал много,
Принявши ряд полезных мер:
Чтоб юнкер не переступал порога
Библиотеки, например;
Чтобы моделей не видали
При изученье крепостей,
Чтоб книжек умных не читали,
Не посещали бы музей...

Идеалом преподавателя «с умом и честною душою», способного «вывесть твердою рукой училище из мрака к свету» в глазах многих учеников был сам Николай Иванович. Неизменно справедливый и добрый, наделённый твёрдыми убеждениями, светлым разумом и мягким юмором, он всегда оставался образцом преподавателя, учившего не только своими знаниями, но и личным примером отношения к жизни.

Но Н. И. Сперанский всё же был не одинок в училище. Здесь преподавали люди, серьёзно и искренне служившие науке. Наиболее ярким из них был В. О. Ключевский. Он попал в училище в качестве репетитора в 1867 году, когда писал магистерскую диссертацию «Жития древнерусских святых». Для этой работы нужно было просмотреть тысячи страниц древнерусских текстов, тщательно разобрать материалы, отобрать нужное, свести всё в единое целое. Времени на подготовку диссертации отводилось два года, а Ключевскому понадобилось целых шесть лет. Стипендию же выплачивали только два года. Чтобы помочь своему ученику, С. М. Соловьев предложил ему работу в училище. Когда Ключевский успешно защитил диссертацию, место репетитора оказалось несоразмерным таланту молодого учёного, и тогда Соловьев уступил ему кафедру истории в Александровском училище. Здесь Ключевский впервые выступил со своими лекциями по всеобщей истории, на которые собиралось пол-Москвы.



Василий Осипович Ключевский

Сперанский служил в училище вместе с Ключевским шесть лет – с 1882 по 1888 год, когда последний отказался от кафедры в связи с большой преподавательской работой в Московском университете и Духовной академии. В эти годы и зародилась дружба двух профессоров, и она не ослабла с уходом одного из них из училища. Мой отец рассказывал со слов своей тётушки Натальи Николаевны Сперанской, что прадед и Ключевский часто гуляли по Москве; Ключевский любил бывать у Сперанских дома сначала на Знаменке, потом на Плющихе, и был постоянным партнёром прадеда в шахматы. Иногда они ходили друг к другу в гости пешком через Кремль.

Когда В. О. Ключевский в 1893-1894 годах читал курс всемирной истории великому князю Георгию*, по состоянию здоровья жившему на Кавказе, в местечке Абастумани, он попросил

** Великий Князь Георгий Александрович (1871-1899) – третий сын Императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны, младший брат императора Николая II.*

Сперанского найти для него затерявшийся в училище курс его лекций на аналогичные темы. А 12 января – Татьянин день по старому стилю – написал прадеду такое письмо:

Абастуман, 12 января 1894 года. Получив Вашу телеграмму, дорогой Николай Иванович, я изо дня в день выжидал удобной минуты, чтобы написать Вам и поблагодарить Вас за добрую память обо мне, а также и за то, что Вы и без меня не забываете моего московского жилища, как мне пишут об этом мои домашние. Но при здешней комнатной температуре не всегда, когда есть досуг, удаётся овладеть пером: у нас теперь пора самых сильных и устойчивых морозов. Отсрочивая письмо со дня на день, я решил, наконец, непременно исполнить свой долг 12 января, в день нашего университетского праздника.

Я имел свои побуждения, чтобы выбрать именно этот день. На расстоянии Бог знает скольких тысяч верст и на высоте, сколько помнится, 4 тысячи футов над уровнем моря простительно быть не только искренним, но и откровенным, не только думать, что следует, но и говорить, что думаешь. Я всегда считал Вас человеком университетским – не по диплому, а по духу, по направлению мысли и складу убеждений, а такие духовные, крёстные дети университета главным образом и поддерживают его значение в обществе. Притом у нас с Вами есть общий учитель и этот учитель – Кавелин. Я не слушал его, но по его сочинениям учился историческому мышлению и пониманию русской истории. Сегодня на меня нашло маленькое уныние: впервые с 1865 года, когда вступил я в Московский университет, я в первый раз встречаю этот день вне Москвы. В этот день письменно беседуя с Вами, я как будто сижу на Малой Полянке, а Вы у меня в гостях – и чувствую себя менее одиноким. Значение университета не упадет, пока есть вне его люди, так сочувствующие успехам русской мысли и науки. Gaudeamus igitur!***

*Живу я здесь тихо и ровно. Общество, в котором мне пришлось вращаться, состоит из прекрасных людей, начиная с самого Хозяина***. Это маленькая морская колония, как её здесь называют. Веду своё дело возможно проще, не ставя слишком сложных задач, но не всегда бываю доволен своим исполнением предположенной программы. Мне всё кажется, что я недостаточно оправдываю встречаемое мною внимание: то представляется не вполне выясненным, другое не полно изложенным. Приходится отрешаться и от некоторых привычек, приобретённых в аудитории. Надеюсь, результаты выяснятся в конце курса, а пока продолжаю его с надеждой, что эти результаты хотя несколько будут соответствовать моему желанию быть полезным.*

*До свидания. Мой почтительный поклон Вашей супруге. Не забывайте моих временных сирот**** на Малой Полянке. Истинно Вас уважающий и преданный В. Ключевский.*

Н. И. Сперанский (сидит пятый слева в первом ряду) среди преподавателей Александровского училища

** Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) – русский историк и юрист, профессор Московского (1844-1848) и Петербургского университетов, примыкал к правому крылу западников, один из основателей историко-юридической школы, участник подготовки крестьянской реформы 1861 года, автор одного из первых проектов отмены крепостного права в России.*

*** Итак, будем веселиться!.. – первые слова латинского гимна университета и студенчества.*

**** То есть Великого князя.*

***** Имеется в виду семья Ключевского: жена Анисья Михайловна и сын Борис.*

* * *

Тем временем жизнь шла, как говорится, своим чередом. Последние два десятка лет XIX века были для Сперанских временем насыщенной, зрелой жизни, дающей радость исполнением долга, семейной жизнью, любимыми занятиями. Сын Колюшка, рождению которого так радовался молодой отец в Карсе, к несчастью, умер от какой-то детской болезни, не прожив и шести лет. Но уже через полгода после его смерти, в январе 1884 года, родилась Таля – Наталья Николаевна Сперанская, будущая тётка моего отца, а через два года – моя будущая бабушка Катя. Ещё через год на свет появилась младшая сестра Адя, Надежда. В них вкладывают теперь все силы своих сердец любящие родители.

В гостях у Н. И. Сперанского. 1890-е годы

Живут Сперанские в эти годы сначала на Знаменке, рядом с училищем; этот двухэтажный домик, второй этаж которого занимала их квартира, сохранился и поныне – теперь (как и раньше) он принадлежит Военному Министерству, занявшему надстроенное здание Александровского училища. Туда к Николаю Ивановичу приходили из училища юнкера – поговорить, сыграть в шахматы, а, бывало, и что-то пересдать. Позже семья Сперанских перебралась в квартиру на Плющихе.

Детство Тали, Кати и Ади было похоже на детство многих детей из интеллигентных семей. Быт в семье был очень скромен. Профессор Сперанский частенько хаживал домой на Плющиху из училища пешком, чтобы сэкономить на извозчике. А Надежда Константиновна вечерами возилась с платьями подрастающих дочерей, перешивая и перелицовывая их.

В доме было хорошо и спокойно. Тихо, неспешно шло детство. Зимой – Москва, санки, прогулки в скверах и на бульварах; летом – любимая дача в подмосковном Дунине недалеко от Звенигорода. Там Сперанские снимали дачу много лет, привыкнув и полюбив эти тихие красивые места. Но и люди, среди которых они проводили летние месяцы, занимали их.

Например, тяжёлая судьба деревенской бабы Василисы затронула непосредственно и самих Сперанских. Василиса была солдатка с тремя совсем маленькими ребятишками на руках, а свекровь злая, а работы невпроворот, а жизнь впроголодь... Старшую дочку Катю пришлось отдать в город в услужение. Надежда Константиновна Сперанская уговорила бездетную сестру Василисы взять к себе младших детей, а Катю забрала из чужого дома, поселила у себя на Плющихе и отдала в школу. Таких историй было несколько...

Незаметно, как это проделывают все дети, девочки росли. Вот они уже гимназистки. Впрочем, старшая, Таля училась дома. Она вместе с сестрами перенесла тяжелую скарлатину, но у неё болезнь дала осложнения, от которых у девочки разрушилась кратковременная память – она не запоминала, скажем, дорогу домой и её всю жизнь приходилось везде водить. Но при этом именно она помнила все легенды и события семьи, она берегла семейный архив.

У Тали обнаружился безукоризненный музыкальный слух. Хороший слух был и у Николая Ивановича, и под Талин аккомпанемент они пели русские романсы на семейных праздниках или просто так, под настроение. Часто распевали отец с дочкой и на лоне природы в любимом Дунине, особенно любили апухтинские «Ночи безумные». Поэзия 1880-х годов так же органично входила в жизнь этой семьи, как и Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, которых часто читали вслух по вечерам, когда вся семья собиралась вместе.

Регулярно Николай Иванович возил своих дочек по Москве и окрестностям. Так, летом это поездки в Саввино-Сторожевский монастырь, где находился в то время знаменитый «Спас Нерукотворный» Андрея Рублева, в живописные окрестности села Люберцы. А в

Москве – Кремль, Третьяковская галерея, Консерватория...

О жизни семьи Сперанских на рубеже веков мы узнаём из сохранившегося дневника второй дочки – Кати. Сквозь записи о мелких девчоночьих ссорах и секретах просвечивает тот культурный фон, который составляет прелесть ушедшей эпохи, аромат давно погибших дней.

Николай Иванович с дочерью Натальей

Из дневника моей будущей бабушки, Кати Сперанской

14 октября 1896 года. Погода сегодня ясная. Мы встали в восемь часов, потому что надо идти учиться. Теперь я хожу вместе с Талей в музыкальную школу Линберг, только я в другом классе... Теперь я пишу дневник, мама причёсывает Талю, потому что волосы у неё густые и волнистые. Адя играет в куклы... Пора одеваться, чтобы идти к Лиде, которая приготовляет нас во второй класс...

18 апреля 1897 года. Сегодня мы вышли во двор в ситцевых открытых платьях, только на шею мы надели платки, потому что ещё было не совсем тепло... Стали играть в мячик. Погнавшись за одной девочкой, я упала, расшибла себе коленку, кисть и локоть в кровь, я заплакала и ушла домой. Папа перевязал мне коленку, но она всё-таки болела.

После обеда мы стали играть в мнения. Про меня говорили, и я ушла на помойку, чтобы не слышать, что обо мне говорят. Про меня сказали, что я курносая. Я разобиделась и ушла домой. Мама пошла погулять, я попросилась идти с ней и мы отправились...

Екатерина, Надежда и Наталья Сперанские (слева направо)

3 июня 1897 года (дача). Вот уже несколько дней погода пасмурная, но сегодня выглянуло солнышко, и мы пили даже на балконе чай. Я не совсем здорова, у меня была скарлатина, и я недавно встала с постели... Таля играет на рояле. Адя играет в свою тряпичную куклу... а папа ушёл к здешнему сыровару немцу Штук. Я и Адя шьем себе маленьких тряпичных кукол. После обеда я стала опять шить куклу, и Адя тоже. Папа читал, а мама работала...*

*31 августа 1897 года. Я и Адя держали экзамены в Александро-Мариинский институт**. Я во 2-й, а Адя в 1-й класс. Мы обе провалились, но нас всё-таки приняли: меня в 1-й, а Адю в приготовительный. Папа и мама Адю не отдали, она поступит весной в 1-й класс. А меня отдали, и мама заказала институтской портнихе шить форменное платье. И вот сегодня я с горничной Сашей отправилась к портнихе за платьем. Я его померила и в нём же пошла назад. Оно было зелёное с белыми рукавчиками, и пелеринкой, и фартуком. Оно было так длинно, что даже когда я сходила с лестницы, то пришлось держать его. Господи, я так рада, так рада. Сегодня мы с папой пошли купить сумку и тетради. Завтра мы пойдём с папой, потому что ему по дороге.*

17 октября 1897 года. Вот уже месяц и 16 дней, как я хожу учиться. Надя и Таля учатся пока дома. Меня провожает всегда горничная. Я там подружилась со всеми. У нас две классные дамы – немецкая

** В детском дневнике Тали Сперанской есть подробное описание этого вечера на даче: «Мама штопала чулки и перелицовывала Адино платье».*

*** Имеется в виду Александро-Мариинский институт благородных девиц.*

Надежда Михайловна и французская Александра Михайловна. Мы все больше любим немецкую. Так как я хорошо учусь и мне там очень легко, то меня хотят на днях перевести во 2-й класс. Таля играет. Папа ушёл в церковь. Я сейчас только выучила уроки. У меня есть промокашка жёлтая, и я её закапала чернилами, и она стала похожа на леопарда...

Александро-Мариинский институт благородных девиц. Начало XX века

19 мая 1898 года. Я так давно не писала, что мне даже страшно начинать. Но однако начну. Надю не отдали в Александро-Мариинское, и она выдержала экзамен в гимназию Алфёровой. Я тоже держала туда экзамен, но не держала по арифметике и географии. Меня позвали держать осенью, и если я не выдержу, то буду учиться в Александро-Мариинском, потому что я перешла без экзаменов в V (III, потому чтоб там считают классы наоборот) класс по отметкам. В годовых у меня нет ни одной 6, а всё 10 да 12, и я ужасно рада**. Теперь мы живем в Курской губернии, селе Теребуж в именье Толубеевых всего в двух верстах от Болычёвцевых***...*

Гимназия Алферовой. 1911 год

20 июня 1898 года. Папа приехал 25 мая. Мы пошли его встречать и встретили на большой дороге. В этот день погода была холодная и сырая. Встретивши папу, мы все забрались в фаэтон... Папа нам привёз ужасно много конфет. Мне и Адьке папа привёз по чёрному, довольно большому мячику, а Тале прыгалки. Всем папа привёз ещё по большой коробке конфет и по стеклянному стаканчику с очень вкусным монпансье...

У Болычёвцевых будет спектакль. Папа будет режиссер. Я тоже играю. Мы будем играть Островского «Праздничный сон до обеда».

С 1 июня мы начали заниматься. Я учусь по 3 часа в день. Встаем в 8 часов и сейчас же идём купаться. В 9 часов пьём чай. В 12 обедаем, в 4 пьём чай, в 10 ужинаем. Вчера у нас были Болычёвцевы. Они пришли пешком... Как только они пришли, пошёл дождь. Мы стали танцевать. Когда стемнело, папа стал играть некоторые романсы. Все собрались в гостиной. Когда папа кончил играть, мы вышли на балкон. Небо было тёмно от туч. Молнии сверкали со всех сторон света...

12 октября 1898 года. ...Утром 31 августа я с папой пошли к Алфёровой. Я иду, а у меня и руки, и ноги дрожат. Пришли. А. С. (начальница) просила подождать. Мы вышли в залу и сели. Наконец меня позвали в класс, и учительница предложила мне несколько вопросов по географии, на которые я отвечала удовлетворительно. География, наконец, кончилась. Я, слава Богу, выдержала. Потом мне дали задачу, которую я скоро сделала. Нас отпустили и сказа-

---

** Александра Самсоновна Алфёрова (1868?-1919) – педагог, вместе с мужем А. Д. Алфёровым основательница и бессменная начальница частной женской гимназии, одной из лучших в Москве, предлагавшей ученицам объём знаний мужских гимназий того времени. С 1902 года – полноценная восьмиклассная гимназия Министерства просвещения для девочек. Алфёровы были арестованы ЧК в августе 1919 года и в сентябре расстреляны по сфабрикованному обвинению.*

*** Знания оценивались по двенадцатибалльной системе.*

**** Болычёвцевы и Толубеевы – знакомые Сперанских.*

ли, что я выдержала. И вот теперь мы с Адей вот уже месяц с лишком ходим в гимназию...

Таля выдержала экзамен в 1-й класс консерватории.

21 марта 1899 года, воскресенье, 3-я неделя Великого Поста. Мне теперь и времени нет, чтобы записывать все мои впечатления... Через 4 недели будет Пасха. Мы, может быть, пойдём к заутрене в Александровское училище. Мне бы очень хотелось туда попасть, тем более, что у нас есть хорошенькие белые платья.

Папа и мама купили наше старое, родное Дунино. И мы этому очень рады. Мама и Таля уедут туда сейчас же после Пасхи, а мы с папой приедем после, когда кончатся занятья...*

16 июня 1899 года. Деревня Дунино, середа. ...Я перешла в четвёртый класс без экзаменов, а Адька во второй. Мы приехали сюда с Борей и Аней Болычёвцевыми 7 мая. На станции нас встретила мама... Мы приехали в двух телегах, было ужасно весело. Я совсем забыла наш сад и дом, потому что прошло уже 8 с лишком лет с тех пор, как мы жили здесь. Но как приехали, я сразу всё вспомнила. В доме мама прелесть как хорошо всё убрала. Мы живо обежали весь дом и сад. Потом мы пили на террасе чай. У нас в доме всего 2 комнаты да перегороженные сени, в одной половине которых спит папа.

Время проводили весело: ходили гулять в лес, на берег Москвы-реки и даже катались на лодке. 9 мая было жарко и мы пошли купаться босиком.

Вчера папа велел Акиму запрячь Буланку в телегу, и мы поехали всей компанией на луг в Иславское. По дороге мы пели песни. Солнце уже село, когда мы приехали домой. Мы стали пить чай в саду. Потом пошли гулять к Москве-реке...

*16 января 1900 года. 12 января у нас в гимназии был праздник**. Мы решили идти во дворец. Папа, как всегда, ушёл на службу (у них не было праздника). Ещё утром, когда он причёсывался, я встала, накинула на себя одеяло и пошла к нему. Я сказала папе наше желание, и он сказал, чтобы мы ждали его в 12 часов у Филиппова***. Часов в 11 мы вышли. Погода была ужасная: сильный ветер так и валил с ног; при этом очень мело. Мама хотела было идти назад, но мы её упросили. На Плющихе мы сели в конку и доехали до Арбатских ворот. Потом слезли и зашли к Филиппову. Здесь съели по пирожку и стали ждать папу. Минут через 15 пришёл папа, и мы тронулись...*

Один из магазинов сети булочных Филиппова. Начало XX века

*Папа взял билеты во дворец. Как только мы вошли, нас окружили лакеи. Мы не раздевались и вошли по очень широкой мраморной лестнице в первую комнату, там висела огромная, во всю стену, картина «Куликовская битва»... Потом проводник повёл нас в императорские парадные и непарадные комнаты. Они очень велики, богаты, очень красивы, но неуютны. Другое дело комнаты Алексея Михайловича****. Они невелики, низки, но замечательно уютны. Везде изразцовые печи и окна из цветных стекол, и в одной комнате было угарно. Мне бы хотелось, чтобы у нас были такие* (окна – примечание автора)...

Были мы и в Зимнем саду. Он показался мне очень маленьким и понравился не очень. Проходя мимо церкви, мы заглянули в окно. Там было очень темно; перед образами были зажжены неугасимые лампады, и было очень хорошо.

** То есть дом в деревне Дунино.*

*** По новому стилю это 25 января – день святой Татьяны и студенческий праздник.*

**** То есть в знаменитой московской булочной Филиппова.*

***** Не знаю, что бабушка имеет в виду: то ли это комнаты в стиле XVII века в Теремном дворце, то ли подразумевается виденный когда-то в другой раз домик бояр Романовых на Варварке, в начале века уже открытый для посещения.*

7 мая 1900 года. ...Мы опять продали Дунино и на лето поедем в Финляндию, а по дороге заедем к петербургским Сперанским.*

Петербургские Сперанские. Конец 1890-х годов

4 июня 1900 года, воскресенье, Петербург. Мы приехали сюда 24 мая. Когда мы вышли из вагона, то я совсем разочаровалась. Я ожидала, что вокзал великолепный, а на самом деле совсем обыкновенный. Петербург мне показался мрачным, скучным, но потом я переменила своё о нём мнение... Мы были в Летнем саду, и осмотрели домик Петра Великого, в соборе Исаакия, в Зоологическом саду, в Зимнем дворце, на островах. Из всего, что мы видели, мне больше всего понравились острова и Зимний дворец. В Зимнем дворце в Петербурге гораздо лучше, чем в Московском Зимнем дворце... Теперь погода испортилась, и мы всё время сидим дома.

*16 июня 1900 года, Петербург. Погода переменилась, всё время стоят жаркие дни. Недавно мы были в музее Александра III**. Там выставлены, в основном, картины.*

Вчера мы были в Петергофе. Решили, что удобней всего отправиться с пароходом, который отходит в половине второго. Когда выехали в открытое море, воздух сделался значительно свежее. Мне было немножко страшно, когда мы ехали по морю, потому что нигде не было видно берега, и со всех сторон нас окружала вода.

Через час с четвертью приехали в Петергоф. Было довольно много народу. Мы, наконец, вошли в парк. Как раз в это время открыли фонтаны. Они все прелесть как красивы, но лучше всего – это фонтан под названием «Большой Самсон». Вокруг него целая аллея фонтанов... по берегам канала и продолжается до самого моря. Мы стояли перед дворцом, и отсюда эта аллея была так хороша, что нельзя было оторваться. Недалеко отсюда был бассейн, по которому плавали 4 механических утки, а за ними плыла собака. Сторож повернул что-то такое на стене, и вдруг все эти утки закричали, а собака залаяла. Это мне тоже очень понравилось.

*14 июля 1900 года, Петербург. 8 июля мы хотели уехать в Выборг***, но так как папе необходимо нужно видеть Великого князя, а он приедет в середине этого месяца, то наш отъезд отложили на неопределенное время...*

Фонтан «Самсон» в Петергофе. Начало XX века

Третьего дня мы устроили живые картины. Сцену устроили в гостиной. Принесли ширмы, обставили цветами, а одну из электрических ламп (у дяди Или проведено электричество) обернули зелёно-желтоватой бумагой, чтобы представить луну. Прежде всего, была пред-

** Семья брата отца, Ильи Николаевича Сперанского, старого генерала.*
*** Теперь Государственный Русский музей.*
**** Город Выборг вошёл в состав России (СССР) в 1940 году после Финской войны.*

ставлена картина «Ангел» Лермонтова. Ангелом была Шура. Её одели в простую длинную белую рубашку, распустили волосы и сзади прикрепили бумажные крылья. В руки ей дали куклу, завёрнутую в белое покрывало. За ширмами Таля пела эту песню...***

26 июля 1900 года, Москва. 24 июля мы были в Николо-Угрешском монастыре. Он находится в 10 верстах от станции «Люберцы» Рязанской железной дороги. Там мы пробыли два дня, гуляли, купались, осмотрели старый и новый соборы. Там очень хорошо, и есть очень красивые места. Папа нарисовал несколько местечек, находящихся в окрестностях.

Екатерина, Надежда и Наталья Сперанские с подругой Антониной (вторая слева). 1890-е годы

16 августа 1900 года. ...Мама велела нам сходить за хлебом, и мы втроем, то есть я, Надя и Тоня, отправились. Когда мы вернулись, то уселись на нашем окне, которое было открыто, и стали петь. Немного погодя слышим, что нам с улицы хлопают. Тогда мы поскорей удрали в столовую. Самовар уже был подан. Папа сидел с «Мёртвыми душами». Он каждый вечер нам читает вслух Гоголя.

23 октября 1900 года. Мы... были на «Демоне», в первый раз на опере. Мне опера не понравилась, потому что там всё происходит неестественно: умирают припеваючи, после смерти выходят и преспокойно раскланиваются...

Наш класс придумал каждое воскресенье собираться по возможности у каждой девочки по очереди для чтения. В воскресенье 9 октября собрались у Шмидт и читали Гоголя «Старосветские помещики». 17 октября почти весь наш класс собрался у нас. Читали мелкие рассказы Толстого и некоторые стихотворения Некрасова. Потом пили чай и танцевали. Было очень весело...

*1 апреля 1901 года. Днем вчера были у Болычёвцевых. Папа сочинил на них всех чудные стихи. Такие хорошие. Восторг. За обедом мы несколько раз обманули папу...****

Каждый день на Пасхе мы катаемся на горах и на кораблях (в парке – примечание автора). *Маме и папе мы подарили по пресс-папье: папе большое зелёное стеклянное яйцо****, а маме зайчика на задних ножках и держащего во рту земляничку. Это мы купили на деньги, вырученные от продажи старых книг.*

Так, глазами девочки мы видим скромный и тёплый быт этой семьи. Едва ли не самое сильное увлечение Николая Ивановича в эти годы – рисунок. Прадед был художником-дилетантом, то есть он нигде специально не учился ни живописи, ни рисунку, однако, может быть, именно это и помогло ему сохранить в своих работах свежесть переживания и непосредственность впечатления. Пейзажи Сперанского проникнуты лёгкой грустью, лиризмом, они неярки и так знакомы всем нам, живущим в средней полосе России. Это лесные просеки и болотца, берега речек, церковки в сёлах, старые деревья, разнообразные русские типы – от звероподобного генерала с жирными складками на шее и мрачно задумавшегося крестьянина до застывших навеки в политическом споре старых местечковых евреев и легкомысленных юных барышень.

** Александра Ильинична Сперанская, двоюродная сестра бабушки и моя двоюродная бабка.*

*** Романс на стихотворение М. Ю. Лермонтова «По небу полуночи ангел летел...»*

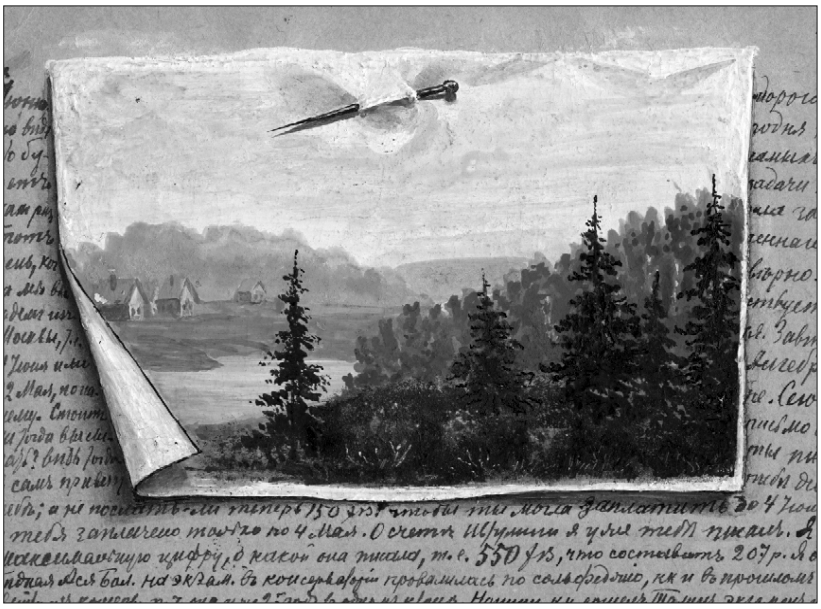
**** Первое апреля – никому не верю!..*

***** Оно всю жизнь стояло на письменном столе моего деда В. И. Глёкина, потом у отца, а теперь хранится у меня в книжном шкафу.*

Репродукции картин Николая Ивановича Сперанского. 1890-е годы

* * *

В 1903 году Надежда Сперанская вместе со старшей дочерью Талей, студенткой Московской консерватории, на год уехала в Швейцарию, где Таля училась французскому языку, но, главное, лечилась. Николай Иванович остался в Москве с двумя младшими дочками. В это время он сдаёт семейную квартиру, чтобы сэкономить денег, а сам с девочками поселяется в меблированных комнатах. И снова каждый день он пишет жене и дочке открытки, но непростые открытки: на каждой он рисует какой-то русский пейзаж – вид Кремля, реку, деревенский вечер. Вот они лежат передо мной, бережно сохранённые любящей прабабкой.



Одна из рисованных открыток Николая Ивановича Сперанского, посланная жене и дочери. 1903 год

Одна из них с детства казалась мне волшебной: на ней картинка словно пришпилена старой ржавой булавкой к картону открытки, исписанной мелким стремительным почерком Николая Ивановича. Когда я была маленькой, мне ужасно хотелось отшпилить эту картинку и посмотреть, что написано под ней. Но оказалось, что это невозможно: и булавка, и картинка с её завернувшимся уголком были нарисованы! Мне, маленькой, это казалось чудом.

Но если внимательно вглядеться в прадедовы альбомы 1903 года и более поздние, то видно, что не только пейзажи и уличные сценки занимают его в начале века. Всё чаще в них мелькают зарисовки медсестер и больничных нянечек с малоприятными на глаз медицинскими приспособлениями: Николай Иванович тяжело заболел. Да, он ещё преподает, он покупает два небольших именьица, более похожих на деревянные подмосковные дачки, чем на усадебные дома. Прадед зарисовал их – и Огничное с его садом, и Мыски под Можайском, где сада нет вообще, просто стоит деревянный домик у дороги.

В какой-то момент прадед слёг, и слёг он именно в Мысках летом 1905 года. Тревожное выдалось лето: повсюду вспыхивали крестьянские и рабочие волнения, горели барские усадьбы. Сгорело и Огничное, сожжённое, очевидно, для порядка, поскольку Сперанские никогда ничего плохого мужикам ближней деревни не делали, не владели землей, не имели наемных батраков. А в Мысках умирал Николай Иванович. Он скончался 30 июня 1905 года на руках жены и дочерей, вынесших все тяготы ухода за тяжело больным отцом.

Надежда Константинована с дочерью Натальей. 1903 год

Для семьи началась совсем новая жизнь. Николаю Ивановичу на момент смерти не было и шестидесяти, он был ещё полным сил и надежд человеком, когда его подкосил недуг. Он оставил пятидесятилетнюю с небольшим вдову и трёх юных дочерей, которым предстояло продолжить жизнь рода Сперанских.

Из дневника Кати Сперанской

22 июля 1906 года. Сколько времени прошло с тех пор, как я последний раз писала свой дневник! Сколько перемен произошло в нашей жизни за эти 5 лет, сколько горя, страданий мы пережили...

Папочка умер... умер мучительною долгой смертью от рака... Он болел 3 года и вот уже год, как мы его похоронили на тихом деревенском кладбище у старой церкви в полутора верстах от нашего именьица «Мыски», которое папа купил за 2 года до своей смерти. Здесь же он и умер 19 июня 1905 года на наших руках. Не могу ничего написать о последних днях его жизни, о его смерти. Невыносимо тяжело и мешают слёзы. Никогда не забуду его, всегда, всегда, особенно по вечерам и ночью вспоминаю его жизнь, его слова, поступки, любовь, с которой он относился к нам, своим детям, о которых он заботился всю свою жизнь. Я верю в Бога, в загробную жизнь и каждый вечер горячо молюсь о своём дорогом отце. Не могу без слёз вспомнить его, не могу слышать без слёз его имени... Мне кажется – я страшно любила отца, но не сознавала этого при его жизни – что всё-таки я слишком мало любила его, и будь он жив теперь, я бы любила его несравненно больше. Мой дорогой, дорогой папочка, где ты теперь? Помнишь ли, видишь ли свою Катеринку? Часто, часто я бываю на его могиле. Так грустно, но так тихо и спокойно на душе, когда придёшь на эту дорогую могилу. Это был редкой, чудной души человек...*

Николай Иванович с дочерьми Екатриной и Надеждой. 1903 год

От слишком сильного нервного потрясения мама слегла зимой. Ранней весной она поехала в Мыски и живительное, солнце и чудный воздух совсем поправили её.

*Уже два года, как я кончила гимназию. Кончила со средним аттестатом и из несчастной математики, которую всегда терпеть не могла, получила тройку. Хотела было тогда же поступить на историческое отделение Высших курсов**, подала даже прошение, но потом рассудила, что денег много выйдет, своих собственных у меня тогда ещё не было, и не поступила, отложив это дело до более благоприятного момента. Теперь поступила на педагогические курсы, устроенные нашим Даниловичем***, который, зная наши маленькие средства, предложил мне бесплатную вакансию. Как они оба, Алфёровы, трогательно отнеслись к нашему горю. Узнав из газет о смерти отца****, Самсоновна прислала мне письмо, в котором выражает горячее сочувствие к моей потере, уважение к покойному папе. Осенью она устроила меня на место учительницы в приготовительной школе В. В. Сумароковой... Я отдала себя педагогической деятельности. В этом году я занималась в школе с двумя классами арифметикой... Весною мои милые ученицы хорошо сдали экзамены в первый класс, причём почти все поступили к Алфёровой. Мальчики не держали эту весну, все они будут учиться ещё год дома. Я очень полюбила этих детей, и они привязались ко мне.*

Надя в этом году была в восьмом классе. Её специальность была математика. К нашему

** По старому стилю; по новому – 30 июня.*

*** Дело в том, что тогда ещё не принимали женщин в университет, и для них в крупных городах открывались Высшие Женские курсы, дававшие практически то же высшее образование.*

**** Домашнее прозвище мужа А. С. Алфёровой, в гимназии которой учились сестры Сперанские.*

***** Через газеты в дореволюционной России оповещались родственники и знакомые о смертях, свадьбах, крестинах и других важных семейных событиях в жизни горожан.*

всеобщему удивлению она недурно кончила гимназию и не застряла ни в одном классе. Теперь она намеревается поступить на фельдшерские курсы, а потом, может быть, перейдёт на медицинские, благо в Москве при высших курсах открылось медицинское отделение. Только мне кажется, она не пройдёт этого испытания до конца. Она страшно легкомысленная, не любит заниматься чем-то серьёзно, не читает серьёзных книг, а только беллетристику, в особенности романы. Может быть, со временем она переменится; она страшно легко и быстро подпадает под влияние, но как люди слабовольные, ужасно упряма... Но сердце у неё доброе, и от природы она неглупа, хоть и не развита.

Из весёлой недурненькой девочки она превратилась в довольно хорошенькую, грациозную, живую и кокетливую барышню. Все наши знакомые молодые люди за ней ухаживают, что ей, конечно, страшно льстит и нравится. Табенецкий, бывший юнкер Александровского училища, а теперь офицер Самогитского полка бывает у нас... и уже давно любит её, страшно часто бывает у нас... и, может быть, они когда-нибудь и повенчаются... Но наслушавшись речей против офицерства, она заявила ему, что не может его любить, потому что он как офицер может приказать стрелять в безоружную толпу, следует негодным старым традициям и так далее.*

Осиротевшая семья Сперанских – Надежда Константиновна с дочерьми. 1906 год

*Тале уже 22 года. Она всё такая же маленькая, меньше нас всех, худенькая, но сейчас загорелая и выглядит вообще здоровой. Единственно, чем она занимается, и занимается с огромной охотой и удовольствием, это пение. Она учится у того самого Булычёва**, пению классических камерных вещей, разных пьес и реквиемов Бетховена и Моцарта, и восторгается этой музыкой, но ещё больше учителем. Кажется, она по-настоящему влюблена в него, несмотря на то, что он некрасивый, немолодой (ему 35 лет). На Талину любовь он взаимностью не отвечает, но, кажется, знает, что она к нему неравнодушна.*

Таля и мама прожили год в Швейцарии, где Таля училась французскому языку в одном из пансионов, которых там очень много. Мы в это время жили в двух меблированных комнатах у одного одинокого господина. Я в это время была уже в 7 классе. Тотчас после экзаменов мы поехали к маме в Швейцарию, откуда вернулись в июле 1903 года на нашу старую квартиру в доме Ганешина. Тут я окончила 8 класс, моей специальностью был русский язык...

*В этом году, едва только прошёл год со смерти папы, с нами случилось другое несчастье. Дядя Костя ещё в мае писал нам, что выйдет в отставку и будет жить с нами в Москве, занимаясь частной практикой. Мы очень рады были этому известию. В прошлом году дядя Костя приезжал к нам и прожил с нами всё лето. Он так сердечно относился к нам во время болезни папы и после его смерти... Он страшно любил папочку и потихоньку от нас горячо оплакивал его. Не успел дядя Костя прожить с нами и недели, как заболел острым нервным расстройством. Всё сочинял какие-то законопроекты... раздражался, кричал...****

13 июля 1907 года. Опять целый год не написала ни строчки... Как трудно быть совершенно, совершенно откровенной даже с собой.

** После подавления восстаний 1905 года.*

*** Упомянутый ранее Вячеслав Александрович Булычёв.*

**** К. К. Казанский скончался в Москве в 1906 году.*

Трудный был этот год. Я получила городскую школу. Попала в 3 класс мужского училища в Бутырках. Что за дети! Не говоря о том, как мало они знали, как сбивчивы и смутны их понятия, это уже испорченные дети, знающие все гадости жизни, умеющие ругаться самыми отвратительными словами, умеющие бессовестно лгать и обманывать. Слава Богу, что их у меня было 17 человек. Я не знаю, что было бы, если бы их было больше. Только двум было 16 и 17, а остальным по 10, 11 и 12 лет. И как же они пользовались моей неопытностью, как надували меня... Какое счастие, если удастся если не перевоспитать их – в какие-нибудь 5 часов в день этого сделать нельзя, ведь большую часть своей жизни эти дети находятся совсем в другой обстановке, – то показать им другую, хорошую жизнь, указать, как позорна и унизительна ложь, обман, заронить в эти тёмные, но ещё детские души жажду правды, просвещения, жизни иной, чем та, которую ведут их пьяные отцы и матери. Хорошее дело учительство в народной школе, но какое трудное, Боже, какое трудное.

Надежда Сперанская и Николай Большаков. Начало 1910-х годов

* * *

Надежда Константиновна пережила мужа на 10 лет. Две младшие дочери вышли замуж и жили своими домами, а их овдовевшая мать жила со старшей дочкой Талей. Бурные события отечественной истории XX века до поры до времени проходили над головой этой большой семьи, разделившейся на три дома; зимой жили в Москве, а летом все собирались в Мысках: и мать со старшей дочкой, и младшие замужние дочери с мужьями.

Надежда Константиновна умерла в октябре 1915 года за месяц до рождения своего первого выжившего внука Егорушки, моего будущего отца. Её похоронили на старой территории Новодевичьего кладбища недалеко от могилы философа В. С. Соловьева; теперь её могила уничтожена, как и многие другие.

Как складывались судьбы «девочек Сперанских»? Младшая дочка Надя Сперанская окончила фельдшерские курсы – возможно, пережитое во время болезни отца так на неё повлияло, что она выбрала своей профессией медицину. Но, как и предвидела старшая сестра, дальше она учиться не пошла и осталась фельдшером. Замуж она вышла в начале 1910-х годов за Николая Сергеевича Большакова, потомка известной в Москве семьи купцов-антикваров. С этим браком в семью Сперанских вторглась новая стихия – купеческое старообрядчество.

Большаковы с дочкой Еленой. 1930 год

По-другому сложилась судьба самой старшей из сестер, Натальи Николаевны Сперанской. Она с блеском окончила Московскую консерваторию, где училась у известного русского композитора и директора Консерватории Сергея Ивановича Танеева. Но после смерти матери некому стало возить Талю на концерты и репетиции, а дороги она не запоминала. Жить одна она тоже не могла по причине той же беспомощности, и замужняя сестра Катя забрала её к себе. Так в семье Глёкиных и прожила она всю оставшуюся жизнь. Более того, когда в смуте первых революционных месяцев доктор Глёкин, мой дед, решил перевезти всю семью почти из центра Москвы (с Пироговки)

в Лосинку – от греха подальше – тётя Таля оказалась полностью отрезанной от своих музыкальных знакомых, Консерватории, Капеллы. Впрочем, какая Капелла!.. С революцией её участники разбрелись кто куда, потеряв друг друга из вида...

Теперь тётя Таля пела в лосиновской церкви святых Адриана и Натальи, усердной прихожанкой которой она стала. От нашей калитки церковь была видна, так что ходить туда тётя Таля могла и одна, а вот после службы её либо кто-то провожал домой, либо встречали свои. Она посвятила себя заботам о племянниках – Егорушке, который всю жизнь считал её своей второй – и главной – мамой, поскольку она всегда была рядом, и Кате, его младшей сестре...

Наталья Сперанская с племянницей Еленой Большаковой. 1933 год

Осталось после тёти Тали множество памятных записочек – напоминания себе не забыть то-то и то-то; также сохранились записи, обрывки писем, переводы с французского, французский молитвенничек в бархатном переплёте, мимолетные дневниковые записи. Из них складывается образ одинокой, скромной и деликатной, не умеющей себя защитить, не очень-то счастливой стареющей женщины. С годами она как-то усохла, стала совсем маленькой рядом с моим выросшим отцом – высоким, франтоватым в предвоенные годы молодым человеком.

Наталья Николаевна умерла почти внезапно – ещё дней за десять до того она записала на одной стороне крошечного листочка, на которых делала свои дневниковые заметки: «Воскресенье, 28 июня 1942 г. Сегодня была у обедни, а вчера у всенощной. Это единственное моё утешение...»

Екатерина Сперанская. Начало 1910-х годов

Умерла тётя Таля 15 июля 1942 года. Умирая, гнала от себя Егорушку – ей казалось, что она умирает слишком долго, а он не ел из-за этого и теперь голодный. Было тёте Тале всего 58 лет.

Наталью Николаевну отпевали в нашей лосиновской церкви; большая фамильная икона Богородицы из дома Сперанских, пожертвованная её сестрами, по сей день украшает собой левую стену храма. Под ней отпели в свое время и племянников Натальи Николаевны – мою тётку Екатерину Васильевну, а через несколько лет и отца, Георгия Васильевича, Егорушку.

Средняя сестра и моя будущая бабушка Екатерина Николаевна, была учительницей. Её специальностью был русский язык и литература, но в народных школах не хватало учителей и бабушке пришлось преподавать ещё несколько предметов, включая нелюбимую с детства математику. Однообразно и трудно шла её трудовая жизнь совсем в иной среде, чем та, в которой она выросла, среди бедных и часто озлобленных жизнью детей рабочих окраин, но Катя старалась вкладывать всю душу в своё дело, мечтая оторвать их от плохого, показать дорогу к лучшему будущему.

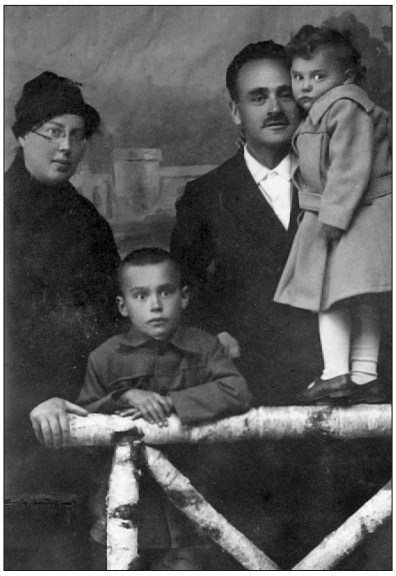
Несколько скрашивали эти труды летние туристические поездки по России, которые в десятые годы организовало, в частности, для народных учителей «Общество образовательных поездок по России». Это были девятисотые годы XX века, время вспышки острого интереса к русскому Северу и южным окраинам, к народной культуре, к красоте русской природы. Фактически это стало началом столь массового сейчас туризма. Интерес к поездкам был огромный, а их маршруты охва-

тывали почти всю европейскую часть России. Чуть не впервые она стала объектом эстетического, исторического, культурного и географического познания для её граждан.

Каждую туристическую группу возглавлял проводник, который не только организовывал быт, но и сам был экскурсоводом, знакомившим свою группу с достопримечательностями. В той поездке в Колхиду, куда отправилась моя будущая бабка, таким проводником был мой будущий дед Василий Иванович Глёкин.

Василий и Екатерина Глёкины. 1910-е годы

Он родился в семье военного, генерала Ивана Агаповича Глёкина и был его восемнадцатым ребёнком. Своего сына Иван Агапович отдал в кадетский корпус и юнкерское училище, после которого Василий два года прослужил в Батуме, где насмотрелся, как тяжела жизнь как тогда говорили, «нижних чинов», солдат. А поскольку он во многом был похож на мать, кроткую и страшно сентиментальную немку, то вынести этого его ранимая душа не могла. К тому же в Батуме Василий Иванович встретился с ботаником, географом, путешественником, другом и соучеником В. И. Вернадского – Андреем Николаевичем Красновым. А ещё он был великим учителем, умевшим привлекать сердца молодежи к просветительской и практической деятельности на благо людей. Он сам писал В. И. Вернадскому: «Моя задача – приготовлять людей»*. Одним из его учеников стал мой будущий дед.



Семья доктора Глёкина. Раево. 1920-е годы

Василий Иванович вышел в отставку против воли отца и начал готовиться в университет. Иван Агапыч в лучших традициях проклял непокорного сына и отказал ему не только в наследстве, но вообще в любой поддержке, так что бывшему офицеру на первых порах пришлось давать уроки, чтобы не помереть с голоду. Для поступления в университет нужно было сдать экзамены за курс классической гимназии, и он успешно сдавал все экзамены – и гимназические, и вступительные. Причём – характерная черта! – для сдачи иностранного языка он вполне мог взять родной ему немецкий, но, чтобы быть в равном положении с другими поступающими, он специально для экзаменов выучил французский (который потом благополучно забыл).

А поступив на медицинский факультет (надо приносить пользу обществу!), дед оказался снова на положении голодающего. Тут-то и подвернулась работа в Обществе образовательных поездок: за лето можно было заработать на жизнь в учебном году. Водил он экскурсии и по полудикому тогда ещё Крыму, и на север – в Вологду. В одной из таких поездок Екатерина и Василий встретились; он стал бывать в доме Сперанских, и осенью 1910 года они поженились, причём дед фактически возглавил всю семью, заняв в ней место покойного Николая Ивановича.

В 1916 году дед кончил университет и был назначен врачом воинской части, охранявшей так называемый Огнесклад, то есть Артиллерийские склады, размещённые в Раеве, бывшей мызе князей Мещерских, а потом военном городке рядом с Ярославским (тогда Троицким) шоссе. Жили же Глёкины, как я уже говорила, на Большой Пироговке, в квартире, куда вывезли

** Бейлин И. Г., Парнес В. А. Андрей Николаевич Краснов. – М.: 1960.*

после революции всю мебель из Мысков. К тому времени у Глёкиных уже родилось и умерло во младенчестве несколько детей – Леночка, Андрюша, кто-то ещё... Первым выжившим ребёнком стал родившийся в ноябре 1915 года мой отец, Егорушка. Нянчиться с ним помогала тётя Таля. Уже в Раеве в 1920 году родилась моя тётка Катерина, папина любимая сестра. А в 1924 году дед купил в Лосинке, в так называемом посёлке немецких торговослужащих*, дом с большим лесным участком. Его хозяйка была сестрой дедова умершего пациента – к тому времени дед лечил уже всю Лосинку.

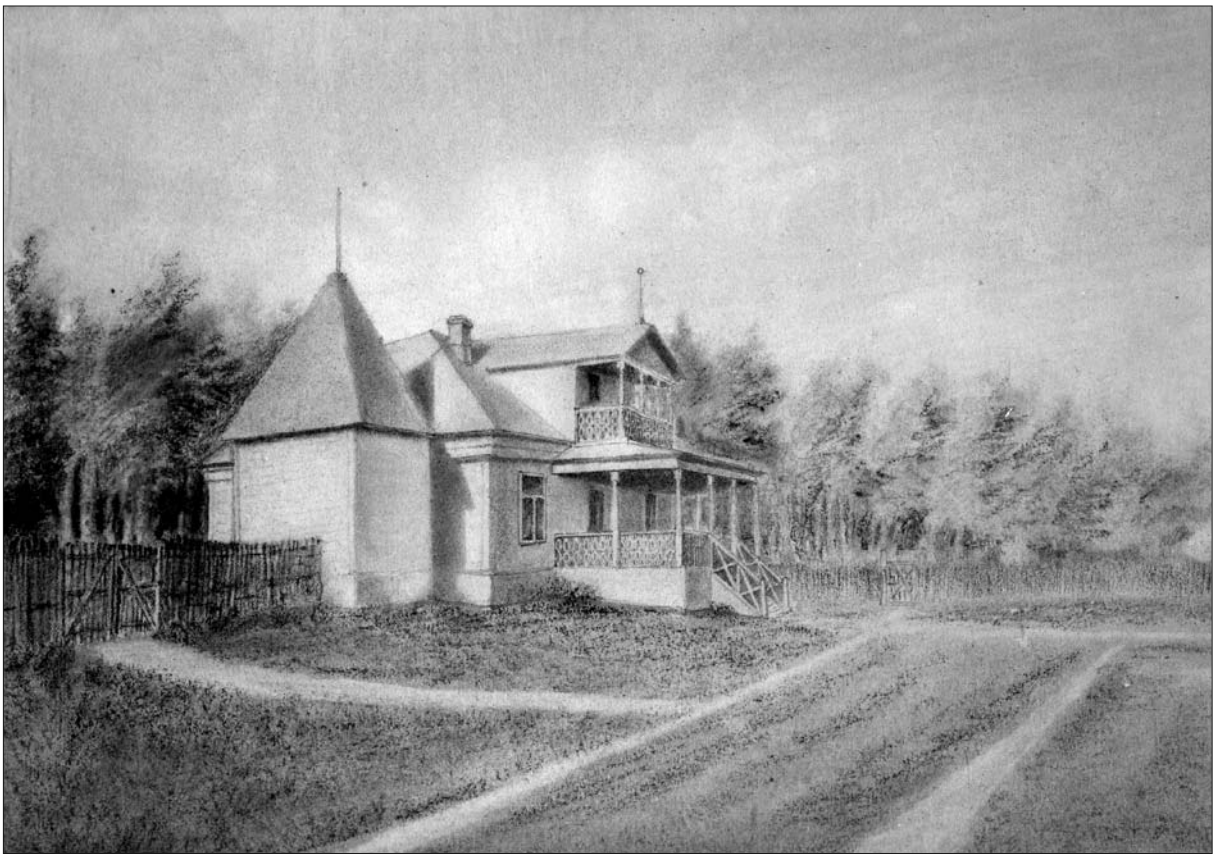
Дом семьи Глёкиных в Раево

Бабушка Екатерина Николаевна умерла после второго инсульта в 1956 году. Я смутно помню её – страшную, худую старуху с седыми короткими волосами, всегда лежащую в полутёмной комнате, часто плачущую. Мне, маленькой, было её жалко, и я таскала к ней охапки журналов «Крокодил», показывала ей картинки, развлекала её, и она покорно «развлекалась». Бабушка часто звала папу и, взявшись за его руку, шла с ним всегда одним и тем же маршрутом через дом – из своей комнаты в столовую, кухню, сени, направо в чулан, где каждый раз останавливалась в недоумении перед приставной лестницей на чердак. Похоронили бабушку на том же Бабушкинском кладбище рядом с тётей Талей и Наташей, и дед с папой, а часто с ними и я, каждое воскресенье утром, до кофе, ходили к ней на могилу – убирали, поливали цветы, просто сидели. По дороге присоединялась к нам и тётя Катя. Дед пережил бабушку почти на четверть века и в 1980-м, невообразимом в те мои детские года, лег в её могилу. Теперь там лежат и мои родители – папа в соседней могиле тёти Тали и мама – на соседнем участке в могиле своей новочеркасской тётки.

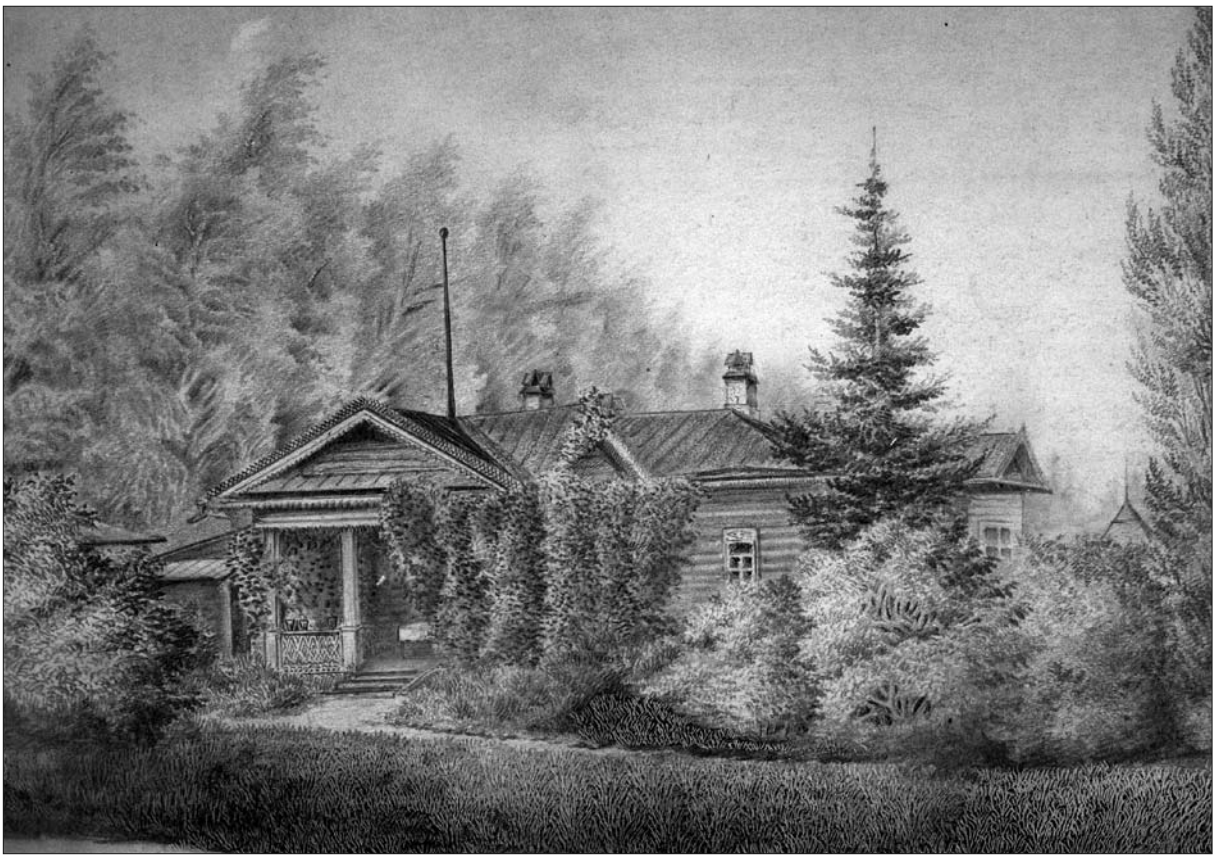
А мы с сестрой остались – мы двое, кто ещё помнит стариков Глёкиных. Сестра – музыкант, одно время она пела, как и тётя Таля, всё в той же лосиновской нашей церкви, и живёт она неподалеку от леса и кладбища, не то, что я, потому и бывает там не в пример чаще меня. Я – филолог, русист; судьба занесла меня на другой конец Подмосковья от моего детства, но когда я выбираюсь всё же в неузнаваемо изменившуюся, погибшую для меня Лосинку, я обязательно иду на кладбище.

Там по-прежнему тихо и удивительно спокойно, негромко шелестят деревья над головами, кричат по весне грачи, поют соловьи. И сейчас, через столько лет, по-прежнему сохраняется этот просветлённый дух светлой печали.

** Это был дачный посёлок немецкой торговой общины в Москве. Я помню тенистые зелёные сады и затейливые дачки с башенками, терасками, разноцветным стеклом в окнах. Они и в моём детстве среди старожилов назывались не по номерам, а по именам владельцев: «Дача Хофман», «Дача Добржанских», «Дача Пауфлер»... Что касается «садика», о котором писала тётя Таля, то вряд ли можно так обозначить кусок леса величиной соток в 70, прилегавший к дому... На моей памяти дед несколько раз отрезал от участка полосы для более стеснённых соседей, и всё равно сад не становился «садиком». Подробнее в моей книге «Плач по Лосинке».*



Дом в Мысках. Репродукция картины Н. И. Сперанского. Начало 1900-х годов



Дом в Огничном. Репродукция картины Н. И. Сперанского. Начало 1900-х годов

Дорогие дети школы „Рождество"!
Мой вам совет: расспросите
ваших мам и пап, дедушек и
бабушек об их семейной исто-
рии, откуда они и чем
занимались — и вы будете
знать немного больше об оте-
чественной истории. Успе-
ха вам в ваших начина-
ниях!

Петр